



Т.А. Воронина

Особенности культуры питания у русских в 1941–1945 гг.¹

Важной вехой в истории России стал период Великой Отечественной войны (1941–1945), которая потребовала предельного напряжения человеческих сил и ресурсов. После внезапного нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. страна была переведена на режим военного времени, в связи с чем 30 июня 1941 г. был создан Государственный комитет обороны (ГКО)². С началом войны началось переустройство народного хозяйства страны для обеспечения фронта всем необходимым — «Все для фронта, все для победы!». Это происходило в условиях всеобъемлющего регулирования, жесткой регламентации труда и быта, карточной системы снабжения и других ограничений, вызванных чрезвычайными обстоятельствами военного времени.

Война существенным образом повлияла на все стороны жизни русского народа, что сказалось и на распределении продуктов питания на фронте и в тылу. Новые материалы и подходы помогут вновь убедиться в уникальности отечественного опыта адаптации и выживания в экстремальных условиях, изучение которого остается актуальным и в наши дни. Вместе с тем, сведения о бытовой стороне в армии и в тылу постоянно расширяются, поэтому основное внимание в статье направлено на создание обобщающей картины, какие продукты питания в ходе войны оставались или становились приоритетными, как питались на фронте и как выживали сельские жители и т.д.

Военная тема всегда считалась приоритетной, особенно в первые десятилетия после окончания Великой Отечественной войны, когда память о ней была еще очень свежа и были живы многие участники боевых действий. Она сразу нашла отражение в научной, краеведческой и художественной литературе, поэзии, кинематографе и продолжает оставаться привлекательной темой для современных деятелей науки, культуры и искусства.

Достаточно много о войне было написано научной литературы, в которой в разных ракурсах отражались события военных лет, и здесь приоритет принадлежит военным историкам. Из многих опубликованных работ выделяется, несомненно, шеститомное издание «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (1960–1965), в котором говорилось прежде всего о героизме русских солдат, а также об обеспечении тружеников тыла продовольствием и особенно работающих на военных заводах³. Монументальным можно считать труд «История социалистической экономики СССР», посвященный анализу отечественной экономики накануне и в период Великой Отечественной войны⁴. На ту же тему написана и работа Г.С. Кравченко⁵. Особо хотелось бы выделить двухтомник «Война и общество. 1941–1945» (2004)⁶, в котором нашло отражение всестороннее исследование снабжения армии и тыла, их продовольственного обеспечения.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00196).

² В состав ГКО вошли члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК ВКП(б): И.В. Сталин (председатель), В.М. Молотов (зам. председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков, Л.П. Берия. В 1942 г. этот состав пополнился Н.А. Вознесенским, Л.М. Кагановичем, А.И. Микояном, в 1944 г. К.Е. Ворошилова сменил Н.А. Булганин. ГКО был упразднен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1945 г.

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. М., 1960–1965.

⁴ История социалистической экономики СССР. В 7 т. / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1978; Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947.

⁵ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Экономика, 1970.

⁶ Война и общество. 1941–1945. В 2 кн. М.: Наука, 2004.

Капитальные исследования раскрывают судьбу колхозного крестьянства, на которое легла обязанность продовольственного снабжения армии и тыла (Ю.В. Арутюнян)⁷. Эта тема нашла отражение в ряде работ, написанных на региональном материале (И.А. Кузнецов, Б.У. Серазетдинов, Г.Н. Каменева)⁸. Интерес представляют также работы, посвященные продовольственному снабжению Сибири и Среднего Поволжья⁹.

О введении карточной системы с целью нормированного снабжения населения хлебом и другими наиболее важными продуктами питания всех групп населения СССР писали многие авторы, которые строили свои исследования на архивных материалах (И.Б. Орлов, У.Г. Чернявский)¹⁰. Отдельные работы посвящены деятельности промышленных предприятий Ленинграда в годы блокады (П.П. Данилов).

Тема выживания в войне как самостоятельное научное направление остается по-прежнему востребованной, для ее раскрытия в дальнейшем планируется использовать более широкий круг источников. В настоящей работе использованы прежде всего опубликованные материалы в виде научных исследований. Не менее важно было обратиться и к художественной литературе, посвященной особенностям военного быта. В ней отразилась судьба эвакуированных (В. Белов)¹¹. Тема войны трагично прозвучала и в произведениях тех писателей, которым самим пришлось пережить голодные годы в эвакуации (В.П. Аксенов)¹².

Во время Великой Отечественной войны особенно пострадали дети. Именно им, сумевшим выжить в тяжелые годы войны, принадлежат воспоминания о пережитом и увиденном, опубликованных в различных сборниках, которые принято называть «Книги памяти». Из всего огромного массива воспоминаний выделяются сборники, которые были написаны теми, кто

остался жить в блокадном Ленинграде (В.В. Судаков, В.Б. Конасов). Издание другой книги «Опаленные войной» было задумано как благодарная память земляков о детях войны – жителей Рязанской области 1928-1945 годов рождения, чье детство опалила одна из самых страшных войн современной истории. В воспоминаниях жителей Заонежья нашли отражение годы, проведенные вместе с родными в трудовом лагере, где они пережили ужасы голода и физических истязаний (В. Лукьянов). О недостаточном питании, приводившем к массовым заболеваниям, писали те подростки, кто работал на уральских заводах (А.Н. Олиферов)¹³.

Дифференцированным было распределение продуктов в лагерях для заключенных (Севдвинлаг) и между работниками лагеря. Наравне с заключенными в подсобном хозяйстве работали и дети. Об этом вспоминают жители Архангельской обл. (М.А. Василевский, О.Н. Марчук)¹⁴. Природная смекалка помогала некоторым заключенным умело пользоваться дарами леса.

Опубликованные материалы дополнены результатами опросов автора, собранными в полевых условиях, поскольку воспоминания о пережитом устойчиво сохраняются в устных рассказах тех, кто пережил военное время.

Использованные источники позволили рассмотреть ряд вопросов продовольственного обеспечения армии, механизмов введения карточной системы, питания эвакуированных. Отдельно рассматривалась жизнь в блокадном Ленинграде, источники жизнеобеспечения жителей села и способы выживания в условиях нехватки еды.

Продовольственное обеспечение армии

Одной из первоочередных задач военного времени стало обеспечение питанием бойцов Красной Армии, которые отправлялись на передовую. Только за неделю с начала войны через призыв-

⁷ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970.

⁸ Кузнецов И.А. Сапожковский край: время, события, люди. Историко-краеведческие очерки. Рязань: Русское слово, 2003; Серазетдинов Б.У. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941 – 1945 гг. М.: Изд-во Института российской истории РАН, 2010; Каменева Г.Н. Продовольственное снабжение населения Юга России в военные годы // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 37–42; Вологда: Краеведческий альманах / глав. ред. М.А. Безнин. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000.

⁹ Букин С.С. Обеспечение продуктами питания городского населения Сибири // Сибирь в годы Великой Отечественной войны: Сб. научных трудов / отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск, 1986; Шалак А.В. Карточная система распределения как источник социальной напряженности: 1941–1947 гг. (на примере Восточной Сибири) // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001; Санникова Н.А. Управление местной промышленностью и промысловой кооперацией в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны // Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы истории тыла. Межвузовский сборник научных трудов. Самара: Самарский ун-т, 1993.

¹⁰ Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты // http://futureruss.ru/worldculture/history_now_days/kartochnoe-snab..... Дата обращения 22.08.2017 г.

¹¹ Белов В. Утром в субботу. Повести и рассказы. Архангельск, Северо-Западное издательство, 1976. С. 159.

¹² Аксенов В. Ленд-лизовские. Lend-leasing. М.: Эксмо, 2010. С. 30.

¹³ Олиферов А.Н. Начало войны и эвакуация // Крымский архив. № 8. 2002. С. 362–368.

¹⁴ Василевский М.А., Марчук О.Н. Незабываемая радуга детства. Воспоминания о Вельске. Вельск: Вельти, 1997. С. 102–104.

ные пункты было мобилизовано свыше 5 млн. человек¹⁵. Военнослужащие, как и гражданское население, получали продовольствие (прежде всего, хлеб) главным образом из государственных резервов, созданных еще в довоенные годы¹⁶.

Продовольственное обеспечение военнослужащих производилось на основе приказов Наркомата обороны, которые постоянно менялись. Постановлением ГКО № 662 от 12 сентября 1941 г. «О нормах продовольственного снабжения Красной Армии» устанавливались четыре категории продовольственного пайка: 1) для красноармейцев и начальствующего состава боевых частей действующей армии, 2) для красноармейцев и начальствующего состава тыла действующей армии, 3) для красноармейцев строевых и запасных частей не входящих в состав действующей армии, 4) для красноармейцев караульных частей и красноармейцев тыловых организаций. Отдельные установления касались Военно-воздушных сил. Красноармеец на передовой должен был получать в день 900 г хлеба с октября по март и 800 г с апреля по сентябрь, 150 г мяса, 100 г рыбы, 140 г круп, полкило картофеля, 170 г капусты и т.д., включая 35 г сахара, 30 г соли и 20 г махорки. Зимой полагалось выдавать им еще немного сала. Средний и высший начальствующий состав получали небольшой дополнительный паек.

Система обеспечения фронта продовольствием окончательно сложилась в 1942 г. Организацией питания и приготовления пищи в полевых условиях занималась Академия тыла и снабжения.

С 12 августа 1942 г. стали выдавать шоколад или конфеты взамен «табачного довольствия» сначала только некурящим женщинам, а потом и всем некурящим. 30 августа 1942 г. ГКО принял постановление «Об отпуске продовольственных пайков для Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД». На сентябрь 1942 г. было определено 9 292 900 пайков для Красной Армии, 750 тыс. пайков — для госпиталей, а также фуражных пайков на 922 тыс. лошадей. О том, насколько остро стоял вопрос со снабжением армии, свидетельствует постановление ГКО от 3 марта 1942 г. «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время». В нем также говорилось, что за хищение продовольствия полагалась высшая мера наказания — расстрел с конфискацией всего личного имущества. За отпуск продовольствия и

военного имущества сверх установленных норм виновные подвергались лишению свободы на срок не менее 5 лет¹⁷.

С июля 1941 г. бойцы стали получать порцию сорокоградусной водки. Это были известные «наркомовские 100 грамм», которые обозначали норму ее выдачи. Она была введена еще во время Советско-финской войны (30 ноября 1939 г. — 12 марта 1940 г.), когда полагалось выдавать бойцам и командирам РККА по 100 г водки и 50 г сала, а летчикам — по 100 г коньяка. Тогда и появились термины «Ворошиловский паек» и «наркомовские 100 грамм».

Выдача водки строго регламентировалась соответствующими указами, которые на протяжении войны постоянно менялись. Сначала приказом от 25 августа 1941 г. полагалось выдавать военнослужащим передовой линии действующей армии по 100 г водки в день. С 12 мая 1942 г. был издан приказ выдавать по 200 г водки, но только военнослужащим действующей армии, имеющим успехи в боевых действиях. Остальным разрешалось получать водку только 10 дней в году — в государственные праздники и в день формирования части. С 25 ноября 1942 г. на передовой стали давать снова по 100 грамм, а военнослужащим, находящимся в полковом и дивизионном резерве, а также строителям в зоне боевых действий и раненым — по 50 г. На Закавказском фронте вместо 100 г водки давали 200 г крепленого вина или 300 г столового вина. Но с 13 мая 1943 г. по 100 г выдавали только в частях, ведущих наступательные действия.

Водку производили на Московском казенном винном складе № 1 (ныне это завод «Кристалл») и «ЛИВИЗ» в Ленинграде, которые работали под бомбежкой. В Ленинграде в бутылках емкостью три и пять литров производили еще «хвойную водку» с повышенным содержанием витамина «С» для госпиталей и передовых.

Водку развозили по фронтам в железнодорожных цистернах и на местах переливали ее в бочки из деревянной клепки или молочные металлические бидоны и отправляли в части и подразделения. Стекланные бутылки не использовали, так как на заводах в них разливали «коктейль Молотова». Но нередко на фронте разводили чистый спирт. Раздачу водки отменили в мае 1945 г. после победы над Германией¹⁸.

¹⁵ Война и общество. Кн. 1. С. 8.

¹⁶ Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.

¹⁷ Война и общество. С. 57–58.

¹⁸ Ульянов В.Н. Война войной, а питаться надо // <https://article.unipack.ru/34567>. 06.05.2011. Дата обращения 21 апреля 2019 г.

Для постоянного обеспечения питания бойцов Красной Армии на действующем фронте было организовано горячее питание. Его приготовление было возложено на полевые кухни, поэтому при каждом воинском подразделении находились обеды с продовольствием.

Основным поставщиком продуктов питания было аграрные районы, у которых их забирали заготовительные органы. На довольствии постоянно находилось 9–11 млн солдат и офицеров Красной Армии. Только для 2-го Белорусского фронта в начале 1945 г. по приблизительным подсчетам, ежедневно требовалось около 2 тыс. голов крупного рогатого скота и много другой продукции¹⁹. Всего за 1941–1944 гг. для нужд фронта и тыла было заготовлено 4264 млн пудов хлеба, 184 млн центнеров картофеля, 50,5 млн центнеров мяса, 132 млн центнеров молочной продукции. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Красной Армии за годы Великой Отечественной войны составил около 40 млн тонн²⁰.

Самыми востребованными продуктами были хлеб из ржаной и обойной муки, мука пшеничная второго сорта, крупы, макароны, вермишель. Рацион питания включал также мясо, рыбу, овощи, растительное масло, чай, сахар, соль. Горячую пищу ели до рассвета и после заката. Любимыми блюдами на полевой кухне были борщ, щи, кулеш, жидкая каша с мясом (говядиной), тушеный картофель, гречка с мясом, вареное или тушеное мясо. Выдавались продукты и трехдневным сухим пайком. Если окопы находились под обстрелом противника, то горячую еду доставляли в термосах один раз ночью, а если подальше от передовой или во время затишья в боях, то стремились организовать горячее питание два-три раза в день. К концу войны появились новые походные кухни, в том числе автоприцепные и новые полевые хлебопекарные заводы, снабженные модернизированными печами.

В целом питание было хорошим, так как в приготовлении пищи были задействованы квалифицированные повара, имеющие достаточный опыт работы в общепите. В.В. Похлебкин писал: «Все профессиональные поварские кадры полностью влились в армию и флот — и это обеспечило в ряде частей и соединений приготовление пищи (особенно каш) на высоком уровне. Это обстоятельство имело существенное значение для поддержания

хорошего физического состояния армии. Даже в сложных условиях наступления войны получали горячую пищу из двух блюд непосредственно на передовых рубежах — до и после боя»²¹.

Исключение составляли такие сражения как битва за Москву, Курская дуга, Сталинградская битва и многие другие, когда шли непрерывные бои. В этих случаях на помощь приходил сухой паек. Житель г. Сапожка Рязанской обл. И.А. Кузнецов вспоминал: «Форсировав Днепр, мы не только не видели горячей пищи, но, используя трехдневный сухой паек, потом несколько дней питались “подножным кормом”». Бывало и так, что ели щи из мороженой капусты и картофеля, перловки или жидкую кашу. Но бойцы не унывали, и один курсант на вопрос проверяющего генерала, как кормят, ответил так:

«- Хорошо, товарищ генерал: всегда из трех блюд.

- Каких?

- На первое — вода с пшеном (суп), на второе — пшено с водой (жидкая каша), на третье — вода без пшена (чай).

- Наедаетесь?

- Наедаемся, товарищ генерал! Даже остается.

- А остатки куда деваете?

- Доедаем, товарищ генерал, даже не хватает...

Норматив у нас был такой: ремнем измеряли объем головы, и этот объем должен был укладываться на животе»²².

Незаменимой на войне стала металлическая буржуйка кустарного изготовления. На ней можно было быстро приготовить чай и подогреть пищу в блиндаже, землянках, вагонках-теплушках и вообще в походных условиях. Именно о буржуйке говорится в песне военных лет, написанной на слова А. Суркова — «В землянке», в которой ее ласково называют «печуркой»: «Бьется в теплой печурке огонь, / На поленьях смола, как слеза...».

Некоторые подробности из фронтовой жизни есть в рассказах участников войны, сохранявших свою приверженность православной вере. Удивительно, но даже на фронте русские воины старались отметить Пасху. Вдова командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковника В.И. Казакова С.П. Казакова вспоминала, что когда весной 1944 г. они находились в г. Овруч Житомирской обл., в тот год Пасха была 16 апреля. Накануне Пасхи муж попросил зайти ее зайти

¹⁹ Годы великой битвы. М., 1958. С. 135.

²⁰ История советского крестьянства: крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). Т. 3. С. 248–249.

²¹ Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. Поваренная книга. М.: Центрполиграф, 1997. С. 50.

²² Кузнецов И.А. Указ. соч. С. 334–335, 337.

к нему в штаб фронта: «Пройдя охрану, я вошла в столовую для комсостава и глазам своим не верю — на столе лежат кучечки крашенных пасхальных яиц! Для каждого из руководителей фронта — отдельная. Василий Иванович спрашивает меня: “А ты знаешь, что завтра Пасха?”. Отвечаю: “Да, знаю!”, а он мне: “Откуда?” Пришлось рассказать ему, что у нас один из охранников подразделения правительственной связи, где я служила, был верующий человек. Он нам всегда и сообщал о грядущих церковных праздниках». Протоиерей Анатолий Правдолюбов в 1930-е гг. находился в заключении в лагере особого назначения на Соловках (СЛОН). После освобождения в 1941 г. его призвали в армию, он воевал на передовой и был ранен. После лечения в госпитале в 1947 г. он принял сан священника по обету, данному им во время войны. Протоиерей Анатолий рассказал священнику Геннадию Нефедову один фронтовой эпизод: «Была Пасха. Каждому из нас выдали положенную пайку хлеба. Я с детства участвовал в богослужении — как алтарник, чтец, певец, псаломщик. По памяти стал произносить слова пасхальной службы. На пайке хлеба ножом изобразил крест и ХВ. Когда завершил “службу”, солдаты стали просить этот хлеб. Я им говорю: “Вы такой же получили”. А они в ответ: “Нет, у нас-то хлеб, а у тебя теперь — пасха!” Тогда я раздал каждому просившему по кусочку, а они мне каждый — по кусочку от своей пайки»²³.

Определенную роль сыграла экономическая помощь стран антигитлеровской коалиции — США, Англии, Канады, которая осуществлялась преимущественно в рамках закона о ленд-лизе (англ. lend-lease, от lend — «давать в займы» и lease — «сдавать в аренду»), утвержденного 11 марта 1941 г. Конгрессом США. Согласно этому закону президент США наделялся разными полномочиями и в том числе давать займы продовольствие²⁴. Эти поставки высоко оценил нарком внешней торговли СССР А.И. Микоян: «Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот, когда к нам стали поступать американская тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу ве-

сомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу»²⁵. Однако в первый год войны поставки союзников по ленд-лизу были минимальными. Маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях вообще не был склонен преувеличивать помощь союзников²⁶.

В.П. Аксенов в рассказе «Зеница ока» (2004) вспоминает, как в голодный 1942 г. и в их волжский городок Булгары, где он находился в эвакуации, пришла помощь союзников: «Прошел еще год войны. Вдруг показалось, что выжили. Вечно сосущее чувство голода стало отступать по мере проникновения в мизерные пайки кое-каких ленд-лизовских продуктов, в частности яичного порошка и сала лярд». Об этом В.П. Аксенов писал и в романе «Ленд-лизовские. Lend-leasing»: «По продовольственным карточкам стало возможным иногда получать невиданные доселе продукты: белое мягкое (для намазывания на хлеб) сало — лярд, яичный порошок для омлетов или просто для посыпки поверх сала, мясные консервы, ветчинные консервы с ключом на мягкой металлической ленточке (шофер генерала Мясопьянова показывал нам, как правильно наматывать ленточку на ключик), сгущенное молоко, сухое молоко в пакетах с непонятными английскими надписями, пакетики чаю на одну заварку»²⁷.

Введение карточной системы.

Питание эвакуированных

Из всех экстренных мер, направленных с началом войны на обеспечение продовольствием армии и тыла, необходимо указать на введение продовольственных карточек. Это стало насущной, но тяжелой задачей, поскольку в 1940 г. численность населения СССР достигла 191,7 млн. человек (городского — 60,6 млн., сельского — 131,1 млн.), в том числе рабочих и служащих — 31,2 млн. (из них в отраслях материального производства было занято 88 %, в непроизводственных — 12 %) ²⁸. Из них в первую очередь были обеспечены хлебом (от 800 г до 1-1,2 кг) по первой категории рабочие и служащие предприятий оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также строители, железнодорожники и рабочие транспорта, а по второй категории (по норме в среднем 500 г) — труженики остальных отраслей народного хозяйства.

²³ Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости Божией России в великую отечественную войну / автор-сост. А.И. Фарберов. М., 2006. С. 76, 183–184.

²⁴ Война и общество. С. 360, 375.

²⁵ Цитата по: Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 38.

²⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М., 1999. С. 347.

²⁷ Аксенов В. Ленд-лизовские. С. 33–34.

²⁸ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956. С. 17.

В декабре 1942 г. в тылу на государственном снабжении находились почти 61, 8 млн. чел., в 1945 г. — 80,6 млн. чел., т.е. около половины всего населения страны, которых надо было обеспечить продовольствием, особенно работающих на военных заводах²⁹. С целью правильного и нормированного снабжения хлебом и продовольственными товарами в течение войны был издан ряд приказов и инструкций по вопросам карточной системы³⁰.

Самым востребованным продуктом оставался хлеб, хлебопекарное производство по всей стране контролировали Наркомпищепром и Росглавхлеб, но во многих городах вопрос со снабжением продовольствием решался на местах. Так, в Вологде обеспечением жителей областного центра продуктами питания занимался Вологодский городской комитет обороны, который принимал постановления и распоряжения вплоть до декабря 1944 г. В Постановлении от 24 июля 1941 г. «Об увеличении производственных мощностей по выпуску хлеба, сухарей и галет в г. Вологде» говорилось о том, чтобы увеличить базу хлебопечения до 25 тонн в сутки путем дополнительной установки 5 жаровых печей.³¹

Среди исследований, посвященных продовольственному снабжению военного времени, можно указать на работы И.Б. Орлова, построенные на архивных материалах. В частности, им был тщательно изучен особый фонд документов Российского государственного архива экономики (РГАЭ). В нескольких публикациях он подробно развернул тему нормированного снабжения населения хлебом и другими наиболее важными продуктами питания всех групп населения, включая детей³². Отдельная работа И.Б. Орлова посвящена карточному снабжению в 1941–1943 гг. — в наиболее трудный период военного времени, когда нормированное снабжение хлебом и продовольственными товарами шло постепенно, начиная с Москвы, Ленинграда и ряда городов, пригородных районов Московской и Ленинградской обл. и только потом распространилось на другие области. Вместе с тем, он анализирует трудности, с которыми пришлось столкнуться законодательным органам в ходе введения карточной системы по всей стране.

Первые установления правительства относительно нормирования продуктов питания не заставили себя долго ждать. С началом войны было введено продовольственное обеспечение гражданских лиц по карточкам на хлеб, крупу, сахар, масло, мясо, рыбу (18 июля 1941 г.). Норма выдачи хлеба взрослому человеку составляла 500 граммов хлеба, детская норма — 300 граммов. Был еще один вид карточек — «иждивенческая», по ней выдавали 300 граммов хлеба тем, кто уже вышел из детского возраста, но не работал, а учился³³.

В соответствии с постановлением СНК СССР № 1882 от 18 июля 1941 г. было введено нормированное снабжение в виде карточной системы снабжения хлебом и продовольственными товарами (мясом, рыбой, жирами, крупой и макаронными изделиями). Она распространялась на жителей Москвы, Ленинграда и ряда городов и пригородных районов Московской и Ленинградской обл.

С 1 сентября 1941 г. нормированное снабжение хлебом, сахаром и кондитерскими изделиями было введено в 197 городах и рабочих поселках. С 10 сентября 1941 г. продажа по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий была организована в ряде городов и рабочих поселков Новосибирской и Иркутской областей, а также Орджоникидзевского края. С 15 сентября 1941 г. карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия вводились в ряде населенных пунктов Северо-Осетинской АССР. С 1 октября началась продажа по карточкам хлеба, сахара и кондитерских изделий населению нескольких городов и рабочих поселков Чувашской АССР и Архангельской обл. Карточки на те же продукты питания были введены в начале октября во всех городах и рабочих поселках Калининской обл. и Крымской АССР, в некоторых населенных пунктах Воронежской обл., Красноярского края, Татарской и Чечено-Ингушской АССР, а также Казахской ССР.

С 1 ноября 1941 г. были введены карточки на продовольственные товары для всего населения 42-х основных промышленных и административных центров страны. Это было установлено на основании постановления правительства № 2148 от 19 октября 1941 г., которое устанавливала нормы снабжения мясом, рыбой, жирами, крупой и макаронными изделиями для отдельных групп насе-

²⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. С. 76.

³⁰ Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. М.: Госторгиздат, 1944.

³¹ Вологда: Краеведческий альманах / глав. ред. М.А. Безнин. Вып. 3. Вологда: Легия, 2000. С. 10–11, 14–15.

³² Орлов И.Б. Хлебное снабжение в годы войны // Soviet and post-Soviet revue (California, USA). 2003. Vol.30, № 2. P. 111–152; он же. Хлебное и продовольственное снабжение детей в годы Великой Отечественной войны // Материнство и детство в России XVII–XXI вв.: Сборник научных статей. В 2 ч. Ч. 1. М.: ГОУВПО МГУС, 2006. С. 196–208.

³³ Война и общество. Кн. 2. С. 32.

ния: рабочих промышленности и связи, рабочих предприятий особого списка (оборонной промышленности), иждивенцев и детей до 12-ти лет. Установки правительства распространялись на самые отдаленные районы. Так, приказом Наркомторга СССР № 519 от 31 октября 1941 г. карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу и макаронные изделия были введены в г. Комсомольск-на-Амуре.

Отдельную группу составили города, в которых карточки на продовольственные товары были выделены только рабочим и служащим, занятым на восстановлении и эксплуатации городского хозяйства, работникам связи, областных, краевых и городских советских и партийных организаций, рабочим и служащим важнейших предприятий союзной и местной промышленности по списку, утвержденному Наркомторгом СССР, а также врачам и медицинскому персоналу лечебных учреждений, учителям школ, преподавателям техникумов и инвалидам Отечественной войны. Так, приказом Наркомторга СССР № 519 от 31 октября 1941 г. в число этих городов были включены Брянск, Великие Луки, Владивосток, Новгород, Новороссийск, Севастополь и Хабаровск. Аналогичные постановления в отношении населения Севастополя, Хабаровска, Пскова, Витебска и Воронежа были приняты только в 1944 г.

Дальнейшие постановления расширили список районов, в которых карточки на продовольственные товары получило все население. С 1 ноября 1941 г. в 38 городах были введены карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу и макароны, а в остальных городах и рабочих поселках эти группы выделялись из централизованных фондов на все население по расчетным нормам, которые определялись в зависимости от состояния ресурсов. Эти продукты в первую очередь шли в общественное питание, а если что-то оставалось, то направлялось в магазины. По усмотрению исполкомов советов могли устанавливаться порядок и нормы продажи овощей. Соль и чай продавались повсеместно по отдельным талонам или по карточкам. К 10 ноября 1941 г. карточная система охватила практически все городские поселения страны.

Учитывая опыт 1928–1935 гг., карточная система военного времени строилась по принципу полной централизации. В 1942 г. по карточкам продавалось около половины государственного фонда хлеба, а централизованные рыночные

фонды по сравнению с 1940 г. составляли: на муку – 57 %, крупу – 32 %, мясо – 50 %, животное масло – 55 %, сахар – 15 %, яйца – 29 %, рыбу – 33 %.

В соответствии с приказом Наркомата торговли СССР № 380 от 13 ноября 1942 г. «Об упорядочении карточной системы на хлеб, некоторые продовольственные и промышленные товары» были введены единые формы карточек на нормированные товары. Приказ также предусматривал предоставление наркоматам торговли союзных республик и заведующим областными (краевыми) торговыми отделами права «производить прикрепление населения к магазинам для получения хлеба и продовольственных товаров по карточкам, когда по условиям снабжения и состоянию торговой сети это является целесообразным». Возросло и многообразие карточек: в 1941 г. печатались 12 видов карточек, в 1942 г. – 51, в 1943 г. – 112, в 1944 г. – 130–135 видов в среднем (по Москве – 149, а по Ленинграду – 171 вид карточек и талонов)³⁴.

В 1942 г. страна оказалась в тяжелом экономическом положении, поскольку страна лишилась многих промышленных и хлебобродных районов³⁵. В результате потерь и эвакуации сотен предприятий валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза³⁶. Тем не менее, «прилагался максимум усилий, чтобы в условиях войны обеспечить продовольствием всех трудящихся тыла, особенно работающих на военных заводах. В декабре 1942 г. на государственном снабжении находились почти 61,8 млн. чел., в 1945 г. – 80,6 млн., т.е. около половины всего населения страны»³⁷.

Выдача продуктов питания в пунктах снабжения не везде происходила в нормальном режиме. Так, достаточно тяжелая обстановка сложилась на Локосовском рыбзаводе в Салехарде, где рабочие-переселенцы не могли вовремя отоварить свои карточки: «Хлеба... за декабрь и январь (1943 г.) ничего не получали. Иждивенцы и дети свыше 12 лет, кроме 400 граммов хлеба, ничего не получают... не получают в столовой обед»³⁸.

Трудности с продовольствием испытывали и жители южных областей России – в Ставропольском и Краснодарском крае, на Кубани, которые оставались одними из основных районов, снабжавших армию и население тыла продовольствием. Но и здесь продовольственная проблема была острой и разрешалась с трудом: не хватало хлеба в

³⁴ Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.

³⁵ Война и общество. Кн. 1. С. 344.

³⁶ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. С. 42–43.

³⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза: В 6 т. М., 1960–1965. Т. 6. С. 76.

³⁸ Серазетдинов Б.У. Указ. соч. С. 222.

магазинах по карточкам, поэтому за ним приходилось стоять по несколько суток³⁹.

В начале 1942 г. были организованы отделы рабочего снабжения (ОРСы) при промышленных предприятиях, за их работой, а также складов, баз, столовых наблюдали свыше 600 тыс. контролеров⁴⁰.

Среди способов выживания в период Великой Отечественной войны было индивидуальное и коллективное огородничество, которым было разрешено заниматься в Москве и Ленинграде. Это было вызвано тем, что колхозы не смогли полностью обеспечить продовольствием городское население, поэтому правительство предоставило возможность горожанам иметь личное подсобное хозяйство. Об этом говорилось в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»⁴¹. В индивидуальном и коллективном огородничестве в 1942 г. участвовала одна треть городского населения, в 1943 г. – две пятых, а в 1944 г. – 50 % горожан⁴².

Снабжение в Москве происходило по карточкам в магазинах в разных районах. Уроженец г. Буй Костромской обл. Г.Н. Грибакин (1929 г.р.) до войны жил в Москве, куда в 1938 г. перевели его отца, как военнослужащего. Он вспоминал: «Первая бомбежка в Москве была 21 июля 1941 г. Москва в маскировке. В 3-ю бомбежку наш дом разбомбили (мы жили тогда на Болотной площади). Нас перевели в школу на улице Б. Якиманка (рядом с американским посольством). Зимой 1942 года я начал с мойки машин и деталей... потом ремонтировал автомобили. Мне выдавали карточку на усиленное дополнительное питание (УДП), в народе переводили – “Умрешь днем позже”, а также суп “Крупинка за крупинкой гоняется”»⁴³.

Жительница Москвы М.И. Добросердова (1912–2012) вспоминала, как было тяжело: «Вот голод был! Ели картофельные очистки, их сушили, толкли, добавляли муки и пекли лепешки. Сделанные из очистков лепешки называли “тошнотики”, настолько они были неприятны на вкус». Ее дочь З.С. Логинова (1935 г.р.) хорошо помнит, как получали по карточкам хлеб. В семье М.И. Добросердовой было 5 детей, а на детей давали отдельные детские карточки. В магазинах хлеб был, одна буханка ржаного

хлеба стоила 80 руб., а я получала 105 руб. Белого совсем не видели. Так мы отоваривались по детским карточкам – получали сахар, масло, их продавали и покупали хлеб». В голодные военные годы женщинам и детям приходилось ходить по опустевшим полям и собирать мерзлую картошку. Из нее делали крахмал и муку, а очистки шли на переработку на котлеты. М.И. Добросердова рассказывала: «А на Пасху приходилось искать хоть мороженой свеклы – ею и разговлялись. Особо постовать не приходилось, даже в пост пили молоко, у кого оно было. Подчас это было единственной едой: на молоке сварят траву обычную, например, сныть или крапиву, вот и все. Ели картофельную ботву, и не только в пост. После войны, когда карточку отменили, еще хуже было. Мы что делали: в очередь за хлебом вставали, покупали белого – он подороже, продавали его и покупали черного, чтобы побольше, чтобы хватило на всех – семья большая»⁴⁴.

Одна жительница Москвы вспоминала, что членам многодетных семей (а она была из такой семьи) по очереди выдавали полмешка картофельных очистков. Ее мама их прокручивала через мясорубку, обваливала в отрубях и жарила лепешки на олифе. Она также заваривала кипятком черный перец и давала детям как согревающее и витаминное средство. Интересно, что, кроме перца и отрубей, в магазинах после объявления войны ничего не осталось, тем не менее, какой-то незнакомый старец, встретившийся по пути, посоветовал ей их приобрести и семья смогла как-то выжить⁴⁵.

В Центральном архиве научно-технической документации РФ сохранились некоторые рецепты, которым пользовались в столовых военной поры. Вот один из них: «Свеклу натереть на терке, подсушить в духовке до кофейного цвета. Полученный продукт заваривается как кофе». Давались также советы, как приготовить повидло из моркови, мармелад из ржаной муки и т.д.⁴⁶

Знаменитый магазин «Елисеевский» на ул. Горького в Москве, известный как «Гастроном № 1», с началом войны был закрыт для простых людей. Ассортимент продуктов был достаточно широк, но они выдавались по карточкам. С 1942 г. он стал закрытым распределителем дефицитных продуктов и обслуживал только номенклатуру⁴⁷.

³⁹ Каменева Г.Н. Указ. соч. С. 37–42.

⁴⁰ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 516.

⁴¹ Война и общество. Кн. 2. С. 61.

⁴² Чернявский У.Г. Война и продовольствие. С. 142.

⁴³ Опаленные войной. С. 34–35.

⁴⁴ ПМА. Записано от М.И. Добросердовой. Москва. 22 июля 1997 г.

⁴⁵ За Калужской заставой (Москва). № 26. 12–18 июля 2001 г. С. 7.

⁴⁶ Megapolis-Express (Москва). № 7. 14 февраля 1991 г. С. 19.

⁴⁷ www.inpearls.ru/948852

Карточное снабжение в других городах страны обеспечивало прежде всего получение хлеба. Уроженец г. Рязани А.И. Гусев (1935 г.р.) вспоминал, что несмотря на то что в городе открылась коммерческая торговля хлебом в ближайшей булочной, номера очереди с вечера писали химическим карандашом на ладони: «Дети, как правило, стояли в очереди до темноты, потом их сменяли взрослые. Утром очередь разрасталась вдоль всей улицы, но ее порядок нарушался сразу, как только булочная открывалась – «шпана базарная» лезла по головам и падала сверху вниз прямо к открывшемуся входу – шум, крики, иногда мордобой и приход милиции для наведения порядка». Его матери приходилось ездить с подругами по селам, чтобы обменять у крестьян вещи на еду: «Так ушло папино кожаное пальто, обувь, карманные часы фирмы «Буре», патефонные пластинки, посуда, словом, все, что можно было обменять на продукты»⁴⁸. Другой житель Рязани Б.Г. Духанин (1938–2017) хорошо запомнил, что хлеба в магазинах было мало: «1/8 буханки хлеба (карточная норма) мне не хватало, приходилось стоять в очереди по три дня, отмечая на ладони, кто не пришел. Выдавали муку с отрубями по 3 килограмма на человека. Когда была свободная минута, мы шли в заливные луга и ели там шавель, луговой чеснок (скороду) и нам было очень хорошо. Потом шли на железную дорогу собирать синюю глину. Она была камешками разбросана вдоль шпал, твердая, как камень. Мы ее сосали как конфетку, а потом шли домой и ели суп из картошки вместе с кожурой... Нас выручал хлебом дед. Он побирался на базаре и всегда приносил домой котомку с сухарями, которые нас поддерживали. Мать окончила в Рязани фельдшерско-акушерскую школу и поэтому ее забрали в госпиталь. Она ездила на фронт и привозила раненых, в основном ленинградцев (ленинградское кладбище). Она была начальником эвакогоспиталя, младший лейтенант. Поэтому, ей давали военный паек: хлеба, 200 граммов колбасы, 1 селедку, которые она резала на куски и продавала на базаре в перерывах или меняла на хлеб. Буханка черного хлеба стоила 130 руб., белого – 140 руб. Так мы немного держались»⁴⁹.

З.А. Бозина (Авданкина, 1939 г.р.) с началом войны тоже осталась жить в Рязани, несмотря на бомбежки немцев. Вместе с мамой она выстаива-

ла длинные очереди в магазин, чтобы получить заветный кусочек хлеба: «На мамину карточку полагалось 800 грамм. Маленький довесочек мне разрешалось съесть по пути домой. Детские хлебные карточки сдавались в детский сад, куда мы с сестрой ходили в детстве. Это была единственная плата от семьи погибшего... Помню в детском саду большой, широко известный тогда плакат, где И.В. Сталина обнимает девочка с букетом роз, и слова: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство»⁵⁰.

Отца Р.Н. Фадеевой (1934 г.р.) призвали с началом войны, он погиб в 1943 г. под Курском. Она вместе с родными жила рядом с вокзалом «Рязань 2», о трудностях знала не понаслышке: «Хлеба по карточкам не хватало, и мы испытывали настоящий голод. Дома окна закрывали газетами и темными одеялами, чтобы во время бомбежки не было видно света. Печь топили тем, что удалось собрать на улицах – сучья, дощечки»⁵¹. Вместе с друзьями Р.Н. Фадеева не раз ходила на вокзал, чтобы собрать жмых, а также набрать в жбан кипяток: «Довольные, мы шли домой, чтобы выпить горячего чая»⁵².

Система Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР (ГУЛАГ) также являлась частью военной экономики. В июле 1941 г. в нее входило 910 отдельных лагерных подразделений, 424 исправительно-трудовые колонии и 1549 городских и районных инспекций исправительно-трудовых работ. К 1941 г. общее число заключенных насчитывало 2300 тыс. чел.⁵³

По карточной системе питались и жители г. Вельска Архангельской обл., но по сравнению с ними служащие расположенного здесь лагеря для заключенных (Севдвинлаг) имели значительно большую зарплату, свои магазины и хороший продуктовый паек. Об этом О.Н. Марчук писала в своих воспоминаниях: «Местное население имело черный хлеб по карточкам (400 г – дети, 600 г – служащие и 800 г – рабочие), иногда, выстояв громадную очередь, покупали немного сахара, соли, комбижира и мыла. Мы пережили войну только благодаря огородам и дарам леса. А рядом, наши соседи, работающие в Севдвинлаге, приносили каждую неделю сумку с консервами, маслом, колбасой, белым хлебом и другими вкусными вещами. Но к этому богатому магазину были прикреплены не все, а только начальство. Простые работники

⁴⁸ Опаленные войной. С. 42–48.

⁴⁹ Опаленные войной. С. 59–61.

⁵⁰ Опаленные войной. С. 16–17.

⁵¹ ПМА. Записано от Раисы Николаевны Фадеевой (дев. – Шоршева) (1934 г.р.). г. Рязань. 15 августа 2017 г.

⁵² Опаленные войной. С. 286–287.

⁵³ Война и общество. Кн. 1. С. 19.

Севдвинлага ходили в другой магазин, в котором давали тоже мало. Правда, можно было еще взять в столовой обед на дом». Выживать им помогало и то, что летом сотрудники Севдвинлага посылали своих детей на работу в подсобное хозяйство ОЛП (Особый лагерный пункт), где они вместе с заключенными сажали табак (чтобы потом делать махорку), капусту, свеклу, морковь и другие овощи. Дети ели с заключенными из одного котла⁵⁴.

Архимандрит Павел (Груздев, 1910–1996) уроженец д. Большой Борок Мологского района Ярославской обл., во время войны отбывал срок в Лагпункте, который находился в Кайском районе Кировской обл. Скучный лагерный паек был урезан, хлеб больше напоминал глину, вместо круп и овощей ели кормовую репу, свекольную ботву, вику, отруби. Многих людей спас архимандрит Павел в лагере от голодной смерти. Будучи обходчиком узкоколейки, он собирал в лесу землянику, морошку, бруснику, ухитряясь пронести их в зону. Он менял их на хлеб и кормил ослабевших от голода товарищей по барaku. Крестьянская смекалка помогала ему засаливать грибы в самодельных ямах из глины в лесу. В уральской тайге удавалось служить литургию, на которой присутствовали заключенные вятских исправительно-трудовых лагерей. «Лагерная епархия» выходила в лес и начинала богослужение на лесной поляне. Для причастной чаши готовили сок из различных ягод: черники, земляники, ежевики⁵⁵.

Карточная система включала также обеспечение питанием иностранных военнопленных, находившихся в советских лагерях. Начиная с весны 1943 г., их стали использовать в народном хозяйстве СССР. Согласно циркуляру НКВД СССР № 353 от 25 августа 1942 г. в составе довольствия военнопленных присутствовали хлеб, крупы, рыба, овощи и т.д., а при их этапировании на близкое расстояние (до 3 суток) разрешалось заменить установленные для них нормы сухим пайком. В 1943 г. при отсутствии свежих овощей выдавали витамин С в размере одной человеко-дозы, а с 19 мая 1945 г. – три человеко-дозы. Согласно Директиве УПВИ НКВД СССР от 29 января 1943 г., витамины предписывалось включать в особое меню для физически истощенных и больных авитаминозом и дистрофией военнопленных, а дистрофикам и пеллагрикам проводить питание только по нормам противопеллагрозного пайка. В 1943–1944 гг. для улучшения их продовольственного снабжения

использовались самые разнообразные источники, в том числе продукция подсобных хозяйств, рыболовства, дикорастущие травы, ягоды и грибы⁵⁶.

Нелегкой оказалась участь миллионов людей, которые с началом войны были эвакуированы из родных мест в Поволжье, на Урал, в Сибирь, в республики Средней Азии и другие, порой отдаленные от центра районы страны. Прежняя система материального обеспечения была нарушена, поэтому эвакуированные обеспечивались питанием на местах их нового проживания по карточной системе. Эта задача ложилась на плечи хозяйственного и партийного руководства, которые контролировали торговлю и общественное питание.

В Москве эвакуация людей и промышленных предприятий в восточные регионы страны началась 15 октября 1941 г. Многие наши современники были тогда еще детьми, но хорошо запомнили то непростое время. Мама моей подруги А.В. Шеловой, жительница г. Москва А.Г. Сакович (1926 г.р.), искусствовед, рассказывала мне, как тяжело пришлось ее семье в первые годы войны: «Это были мои школьные годы. В Москве эвакуация начиналась по-разному, это не Ленинград! Различные учреждения по-разному действовали, когда им удавалось получить какой-нибудь транспорт для отъезда. У нас начались бомбежки уже через месяц после начала войны. Мы жили в районе улицы Донской и улицы Шаболовской. Там было много промышленных предприятий: завод «Шарикоподшипник», «Красный пролетарий», радио-башня, построенная Шуховым, трамвайный парк и др. Наш дом пострадал – окна все сразу вылетели. Но в начале августа от папиной работы нас эвакуировали, так как в доме нельзя было жить. А мамина сестра не уехала, она оставалась в Москве и платила за комнату.

А 16 октября 1941 года было настоящее бегство из Москвы. Вадим (Вадим Борисович Шелов – муж А.Г. Сакович) говорил, что его семья не уехала. Отец был болен грудной жабой (стенокардией), но он все равно хотел уйти добровольцем на фронт – медкомиссия не пропустила. Тогда еще не было так голодно как позднее, раздавали муку из запасов.

Да, мы эвакуировались – это было ужасно. У папы на работе были такие сотрудники – бухгалтер, и мы с ними поехали в Алтайский край. Большинство людей оказались в райском месте, где город Бийск, а мы – в Новосибирской области

⁵⁴ Василевский М.А., Марчук О.Н. Незабываемая радуга детства. Воспоминания о Вельске. Вельск: Вельти, 1997. С. 102–104.

⁵⁵ Родные мои. Рассказы и проповеди архимандрита Павла (Груздева). Ярославль: Китеж, 2003. С. 66–69, 83–86.

⁵⁶ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Т. 1 / под ред. М.М. Загоруйко. М., 2000. С. 343–346; Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. М.: РОССПЭН, 2005. С. 137–138.

на станции Топчиха, где совхоз, немного жили в Чистюньке, такое место было. Мама — Софья Ивановна Сакович, я (мне 17 лет) и сестра Танечка, ей 6 лет было. Я их обихаживала. Мама — святой человек, но к жизни не приспособлена, она немного работала в школе и потом в библиотеке Топчихи — это был райцентр. Я в совхозе работала, черно-рабочей — на заготзерне и потом в детском саду, где Таня была. Мы там находились до начала мая 1943 года, когда к нам приехал отец. Отец — Георгий Федорович с нами не уехал, он рыл окопы под Москвой. В Топчихе его поставили на военный учет. И мы все вернулись на поезде в Москву. Ехали с пересадкой в Алма-Ате.

Папа был призван в Сибири, но он все равно пошел потом на фронт. Был минометчиком. У него хорошо работала голова (математический склад ума), и его поставили наводчиком номер один, чтобы сохранить весь расчет. В войну он выжил не без Божией помощи. Волок на себе раненого товарища и вдруг рядом разорвалась бомба. Папа чувствует, что его товарищ на нем повис, смотрит, а у него голову оторвало осколком. А папа остался жив.

В Топчихе со мной был ряд случаев, можно сказать, что тоже спаслась по Божией помощи. Раз я шла за 18 километров от Топчихи пешком, прошла 2 километра и такой легкий снежок пошел. И вдруг поднялся вихрь и начался «темный буран», ничего не видно, он заметает всё! И вдруг прямо мне в лицо лошадиная морда! Это ездили за бочками с керосином и возвращались в Топчиху. Лошади чуют дорогу и идут, не сворачивая. Я чуть живая упала на розвальни и они довезли меня домой. А ведь мне надо было — дома меня ждали мама и Танечка!

Потом еще был случай, когда все обошлось с Божией помощью. Папа был рядовой, ему трудно было приобрести билеты, а с нами ехала женщина — офицерская жена. Ей выделили билет, и она моей маме говорит: Идите, вам тоже дадут. И маме дали билет на Москву. Билеты есть, а проводники не сажают. Тогда тоже были такие, что хотели еще дополнительную плату, а ведь вагон почти пустой был. Но все равно мы сели и доехали благополучно.

В Топчихе ничего просто не было, никакой еды, деточка! Давали отпечатанные на бумаге карточки, но на них ничего не давали. Перебивались кое-как. Первая зима — сплошной голод, а весной 1942 года нам помогли посадить картошку. Когда она выросла, мы ели и картошку, и картофельные очистки. А в Москве — это рай! Я поступила

на подготовительные курсы в Горный институт. Там мне дали «рабочую карточку». А у мамы была «карточка ИТР» (ИТР — инженерно-технический работник), она работала в ГИМе (Государственный исторический музей). Она была прикреплена к определенному продовольственному магазину, куда я ездила.

Я закончила курсы и без экзаменов поступила в Горный институт. У меня была «карточка УДП», то есть «усиленное дополнительное питание». А мы, студенты, это расшифровывали так: «Умрешь днем позже».

Да, когда мы вернулись в Москву, после Топчихи это был рай! Мама работала в ГИМе старшим научным сотрудником, имела карточки, как и у других москвичей. Я училась — у меня была рабочая карточка и у мамы рабочая карточка, а у Тани — детская карточка. Это было самое хорошее, что могло тогда быть. Мы по карточкам получали черный хлеб, крошили его в миску, поливали подсолнечным маслом. Подсолнечное масло, американский жидкий жир — он назывался «лярд» — все давали по карточке. И водка была по карточке, которую можно было продать на рынке и купить что-нибудь другое. И крупы, и мясо — по карточке, у которой были определенные талоны. Мамина карточка, карточка Тани и моя — были прикреплены к определенному распределителю на углу Поварской улицы. Я ездила туда и отоваривалась. Хлебные карточки были прикреплены к магазину, который был рядом с нашим домом. Это была наша булочная. До революции ее владельцем был Казаков, поэтому ее называли казаковская булочная. Пекарня располагалась прямо под домом. Мы рано вставали и могли созерцать, как пекут хлеб. Сюда шли жители несколько домов на Калужской площади. Наш дом располагался по адресу улица Шаболовская, 19. С одной стороны была Донская, а с другой — Шаболовская. Тогда на Калужской площади располагались все магазины — и продовольственные, и промтоварные, аптеки, цветочные, так как площадь была круглой, как и все площади на Садовом кольце. Это всё были двухэтажные дома, которые образовывали круг. Также было и на Серпуховской площади. Но сейчас все разрушили и выстроили большие дома. Калужская сейчас — это Октябрьская площадь, раньше там на станции метро стояли трубящие победу воины как ангелы с трубой. Карточки отменили после войны не сразу, в 1948 году, не помню точно, а в других местах и позже»⁵⁷.

⁵⁷ ПМА. Записано от А.Г. Сакович (1926 г.р.). г. Москва, 23 февраля 2019 г.

Во время войны планировалось эвакуировать 250 вузов (из 817 на 1940/41 г.), фактически было эвакуировано 147, в том числе 57 – из Москвы и 40 – из Ленинграда. Археолог О.Д. Дашевская (1924–2015) в начале войны училась на первом курсе исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Она рассказывала мне, что когда объявили эвакуацию, отец быстро собрал ее вещи и приказал залезать в подошедшую машину. Когда она стала возражать, он закричал: «Быстро полезай в кузов, а то убью!». Это было впервые, когда любящий отец разговаривал так грубо. Уехав в Среднюю Азию, она прожила трудные и голодные годы, но больше отца она уже не видела⁵⁸.

Семье москвички Татьяны М. (1932 г.р.) пришлось пережить все невзгоды военного времени: «Мама не хотела отдавать меня и сестру в эвакуацию, тогда дети многие пропадали без вести, поэтому быстро переправила нас к родственникам в одну из деревень под Тулой. Там мы жили недолго: началось наступление немцев и мы вернулись в Москву, когда уже здесь не отправляли в эвакуацию. Живя в Москве, у всех были наготове вещевые мешки, сшитые из старой одежды. Все боялись попасть к немцам в плен, поэтому были готовы сразу бежать из Москвы. Один раз мама взяла меня с собой, чтобы купить картошки в одной из деревень под Дмитровом. Нагрузила рюкзак и одела на дочь, а я упала сразу – такой он был тяжелый. Мы были обессиленные, еды не хватало, поэтому и сил было мало, чтобы рюкзаки на себе таскать. Лучше в Москве стало только в 1944 г. Тогда, помимо карточек, стали детей немного подкармливать в школе. Им выдавали маленький кусочек черного хлеба, посыпанный сахаром, а потом еще и бублик. Мы так ждали, когда нам бублики принесут! Это было как праздник, а больше нечему было радоваться, еды не хватало»⁵⁹.

Об эвакуации рассказывали в своих интервью многие известные актеры. Олег Анофриев запомнил, как грузовики увозят эвакуированных. Вера Васильева тоже запомнила: «Эвакуация – все бежали. Ужас!» Владимир Коренев, известный по фильму «Человек-амфибия», вспоминая свое детство в Крыму, рассказывал: «Во время войны был страшный голод. Есть было нечего. Семья жила тогда в Ялте, отец служил на Черноморском флоте. Мы ловили дельфинов, чтобы добыть из них жир»⁶⁰.

В цикле повестей и рассказов В. Белова также

нашла отражение судьба эвакуированных детей, оказавшихся в блокадном Ленинграде: «Когда прорвали блокаду, то нас с Павликом вывезли из Ленинграда в Вологду. В больницу. В январе 1943 г., потом – в колхоз “Красный пахарь” на станции в деревне, где дети стали поправляться. Там же выдали две иждивенческие карточки»⁶¹.

Профессор Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Крым) А.Н. Олиферов в начале войны эвакуировался с родителями из Алушты в Пермь, где его, тогда еще подростка, направили работать на завод. «Работать приходилось много, – вспоминал он, – смена продолжалась 12 часов, выходные дни были два раза в месяц, а два других воскресенья мы работали по 18 часов в сутки, чтобы дать возможность отдохнуть рабочим другой смены... Из-за плохого питания у многих рабочих началась цинга. Был организован специальный пихтовый цех, где из хвои пихты школьники из нашего класса варили пихтовый квас. Повсюду в цехах стояли бачки, и все желающие могли его пить». Приход на производство школьников 7-8 классов, которые встали к сложным станкам, привел к резкому увеличению травматизма. На заводе действовала пропускная система, пропуск также использовали и для входа в столовую. «На территории завода пропуск мы обычно использовали только в столовой. – писал А.Н. Олиферов. – Безногий инвалид, сидевший на входе в столовую, забирал наш пропуск и выдавал ложку. С ней мы подходили к раздаче, где у нас из карточки вырезали талон на 40 граммов крупы и 5 граммов жиров, и мы получали суп из ржаных макарон и кашу. На обратном пути мы сдавали ложку и получали пропуск... Рабочие завода постоянно недоедали, одежда была плохой, что вызывало массовые заболевания простудой, дистрофией, цингой, туберкулезом. Особенно страдали подростки. Больным и ослабевшим выдавали карточки УДП (усиленное диетическое питание). Мы шутили по этому поводу, называя их “умрешь днем позже”»⁶².

С голодом пришлось столкнуться и Р.Ф. Никольской (Тароева, 1927–2009) – уроженке д. Мунозеро Петровского (совр. Кондопожский) района Карело-Финской АССР. В 1955 г. после окончания аспирантуры в Институте этнографии АН СССР в 1955 г. (науч. рук. – Н.Н. Чебоксаров) ее дальнейшая судьба была связана со ста-

⁵⁸ ПМА. Записано от О.Д. Дашевской (1924 г.р.). г. Москва. 12 июля 2012 г.

⁵⁹ ПМА. Записано от Татьяны М. (1932 г.р.). г. Москва. 25 июля 2017 г.

⁶⁰ Канал ТВ-1. Передача «День начинается...». Записано 27 ноября 2018 г.

⁶¹ Белов В. Указ. соч. С. 159.

⁶² Олиферов А.Н. Указ. соч. С. 362–368.

новлением этнографической науки в Карелии. Когда началась Великая Отечественная война, Розе шел 14-й год, и она, как и многие подростки ее возраста, попала в отряд самообороны, сформированный из старшеклассников. Об этом говорится в очерке о жизненном пути Р.Ф. Никольской (Тароевой), подготовленном ее коллегами — И.Ю. Винокуровой и К.К. Логиновым: «Она принадлежала к тому поколению людей, чьи лучшие годы юности пришлось на страшную войну, спасаясь от оккупации, Роза с матерью и младшим братом эвакуировались через Онежское озеро в п. Шала Пудожского района Карелии. Здесь, обучаясь в старших классах средней школы, она познала холод и недоедание, выпавшие на долю каждой эвакуированной семьи. С голодом были связаны страшные случаи. Роза Федоровна вспоминала, как чудом удержалась от соблазна наестся до отвала свежей корюшки, которую весной 1943 г. власти распределили в изобилии среди истощенных беженцев. Тогда многие умерли от переедания после длительной голодовки»⁶³.

Во многих населенных пунктах были открыты питательные пункты. Один из них действовал в Булгарах, где находился в эвакуации В.П. Аксенов. В своем романе «Ленд-лизовские. Lend-leasing» он привел описание того, как проходила раздача горячей еды в местном «Пассаже»: «По мраморной лестнице со стертymi до острых углов ступенями лепились очереди голодных. Что еще запомнилось? ...В меню было одно блюдо — “горячий суп с капустой”. Отнюдь не щи и уж тем более не борщ. Подсобники с красными повязками вываливали в котлы с кипятком грубо нарубленные кочаны. Там они более или менее размягчались. “Суп” обладал удивительной зеленоватой прозрачностью, потому что в нем не было никаких питательных добавок: ни картошки, ни крупы, ни свеклы, не говоря уже о мясе или масле. Похоже, что и соли туда не добавляли, хотя подсобники растаскивали мокрые, с обрывками упаковки булыги минерала. Иными словами, питательный состав был близок к совершенству: горячая вода с кусками капусты»⁶⁴.

В.П. Аксенов писал, что, помимо посещения питательных пунктов, ему и другим детям поручалось получение бидонов с чечевичным супом в местной столовой: «Дома зерна чечевицы всплывали к поверхности, а основная масса, то есть грязь, состо-

ящая из земли, глинцы, смешанной протухшей растительности, камешков, осколков кирпича, веточек каких-то, щепочек, оседала на дно. Две трети «супа» состояли как раз из этой мрази. Тетя Ксения половником снимала зерна и перемещала в кастрюли. Затем несколько раз процеживала чечевицу через марлю. Иной раз набиралась солидная сковорода хорошего продукта. Жарили на подсолнечном масле и затем с аппетитом поглощали. Иногда чечевица перемешивалась с картошкой, луком, крошечными кусочками краковской колбасы»⁶⁵.

Несмотря на трудности военного времени, для школьников в летние месяцы были организованы пионерские лагеря. В.П. Аксенов, находившийся в эвакуации в приволжском г. Булгары, летом 1943 г. в возрасте 11 лет впервые попал в лагерь в д. «Пустые Моркваши». Он вспоминал: «В полуголодных районах главным источником сил был сушеный картофель. Продолговатые палочки, собственно говоря, мало были похожи на клубни, о которых пионеры прежде распевали песню “Здравствуй, милая картошка, низко бьем тебе челом!” палочки вообще-то были похожи в неприготовленном виде на резину, однако в супах и в пюре, а также на сковородке были все-таки съедобны».

Через год детское питание стало улучшаться. В. Аксенов пишет: «Интересно, что пищевая ситуация выглядела принципиально иначе летом 1944 года. На сушеную картошку никто уже не обращал внимания. Преобладали питательные каши: рис, овсянка, манная... Очень часто стол украшали “макароны по-флотски”, где среди вареных мучных трубочек красовалась тушеная говядина в немалом количестве. К середине лета начинали поступать свежая капуста, свекла, морковь. Борщ, сваренный на подсолнечном масле, считался объедением. В праздничные дни выпекали пончики, а по случаю взятия городов или, скажем, Дня Военно-морского флота СССР пионеры находили у себя на блюдечках, к чаю, не оформленные, а просто отколотые от американских глыб кусочки шоколада». Особенно запомнилось В. Аксенову пребывание летом 1945 г. в пионерлагере в д. Саломыково, находившейся в восточной части Татарии. В местном колхозе уродилось много черной смородины, и руководство разрешило детям наестся до отвала. В. Аксенов писал, что пионерские лагеря «возвращали бодрую жизнь нашему поколению даже в военные голодные годы»⁶⁶.

⁶³ Винокурова И.Ю., Логинов К.К. Р.Ф. Никольская и становление этнографической науки в Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 132–133.

⁶⁴ Аксенов В. Ленд-лизовские. С. 30.

⁶⁵ Там же. С. 93–95.

⁶⁶ Там же.

После окончания войны многие эвакуированные вернулись в родные места.

Жизнь в блокадном Ленинграде

В начале войны численность Ленинграда насчитывала 3 млн человек, на которых поначалу распространялось постановление СНК СССР от 18 июля 1941 г. о введении продовольственных карточек на получение хлеба, крупы, сахара, масла, мяса, рыбы. По решению Ленгорисполкома, была организована дополнительно коммерческая торговля нормированными товарами без карточек в ресторанах, кафе и буфетах с надбавкой 200 %.

Поскольку хлеб являлся главным продуктом питания, из Вологды в Ленинград была налажена бесперебойная подача подвижного состава для отгрузки муки и зерна. На это было направлено постановление от 17 октября 1941 г. «О продвижении продовольственных грузов и горючего в Ленинград» и «Для обеспечения немедленного продвижения продовольственных грузов и горючего в Ленинград». В соответствии с ним «Заготзерно» в течение трех дней обеспечивало отгрузку в Ленинград имеющихся на вологодской базе — 3500 тонн пшеницы, 1200 тонн ржи, а с череповецкой базы «Заготзерно» муки было отгружено 5000 тонн пшеницы и 1200 тонн ржи в 5-дневный срок. Для погрузки и затаривания на вологодской базе «Заготзерно» ежедневно работали 600 чел., а на череповецкой базе — 1000 чел.⁶⁷ Вологда также стала принимать больных и раненых из Ленинграда до его блокады, для чего было сформировано военно-санитарные поезда⁶⁸.

Однако после того, как 30 августа 1941 г. немецкие войска перекрыли железнодорожное сообщение с центром, город оказался совершенно отрезанным от страны. Началась блокада, которая продолжалась по январь 1944 г. — 900 дней. Уже 31 августа 1941 г. СНК СССР принял специальное постановление о снабжении Ленинграда, согласно которому рабочим полагалось 600 г хлеба, служащим — 400 г, иждивенцам и детям — 300 г. Коммерческая торговля нормированными товарами была прекращена.

Запасы продовольствия в Ленинграде были небольшие, но и они стали стремительно сокращаться. К 6 сентября 1941 г. оставалось муки на 14 дней, крупы — на 23 дня, мяса — на 18 дней, жиров — на 20 дней. Поэтому СНК СССР 10 сен-

тября 1941 г. во второй раз постановил сократить в городе выдачу хлеба: рабочим до 400 г в сутки, служащим, иждивенцам и детям до 200 г. Однако, учитывая возможные последствия массового недовольства, эти нормы не ввели в действие. По указанию ГКО с 11 сентября на рабочую карточку стали выдавать 500 г хлеба, служащим и детям — 300 г, иждивенцам — 250 г.⁶⁹ Уполномоченный ГКО Д.В. Павлов так писал об этих днях: «Хлеб подходил к концу. Время начало работать против осажденных. Как ни тяжело и больно было, а пришлось уменьшить выдачу хлеба населению»⁷⁰.

13 ноября 1941 г. произошло четвертое снижение продовольственных норм, согласно которому рабочие стали получать 300 г, остальное население — 150 г хлеба. Через неделю Военный совет фронта принял решение произвести пятое сокращение норм продовольствия. С 20 ноября 1941 г. жители города стали получать самую низкую норму хлеба за время блокады: 250 г — рабочие, все остальные — по 125 г хлеба⁷¹. Наступил практически голод, который привел к массовому заболеванию — дистрофии и к массовой гибели людей. По данным треста «Похоронное бюро», в декабре 1941 г. умерло почти 53 тыс. мирных жителей, что превысило годовую смертность в Ленинграде за 1940 г.

Ситуация усугубилась еще и тем, что немцы стали разбрасывать с самолетов тысячи фальшивых продовольственных карточек, поэтому в Ленинграде была срочно проведена их перерегистрация. Помимо этого остановилась работа электростанций, прекратилось отопление — не было угля и дров, в квартирах царил холод, вышел из строя водопровод.

Жизнь детей, выживших во время блокады Ленинграда, нашла отражение в их воспоминаниях. Уроженец Ленинграда Е.Г. Беляев (1925 г.р.) после окончания 7 класса стал работать в Карелии, но с началом войны вернулся домой и устроился на 11-м хлебозаводе слесарем. В октябре 1941 г. его отправили рыть окопы на Карельском перешейке. Он вспоминал: «Питание было на трудфронте аховое: утром каша чечевичная, чай, кус хлеба, обед — суп на чечевичном отваре, второе — шротовые биточки (отжим сои), чай. Вечером — кус хлеба, чай с сахарином». В декабре 1941 г. подросток заболел куриной слепотой, его вес упал до 45 кг⁷².

⁶⁷ Вологда: Краеведческий альманах. С. 10–11, 14–15.

⁶⁸ Конасов В.Б. Военно-санитарные поезда распределительного эвакуационного пункта // Вологда: Краеведческий альманах. С. 38, 44.

⁶⁹ Война и общество. Кн. 2. С. 32, 37.

⁷⁰ Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1969. С. 174.

⁷¹ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944. Т. 1. С. 119.

⁷² Блокада: искры памяти. С. 39–40.

Т.И. Ананьевой было 11 лет, когда в городе началась первая бомбардировка. Она вспоминает, что сначала стали сокращать норму на крупы, макароны, а потом и их перестали выдавать. Для отопления квартиры посреди комнаты поставили «буржуйку», а после января 1942 г. стали жечь мебель: «Когда не стали давать на карточки ничего, кроме 125 г хлеба, это начался настоящий голод. Нас еще немного поддержала капуста и “дуранда”. Осенью бабушка на пригородном поезде... На поле зеленые листья капусты, ... а дуранду сначала продавали в фуражных магазинах. А потом и ее не стало... бабушка капусту смешивала с дурандой и делала вроде котлет. Ремни, что было кожаное, все бабушка варила. Потом не стало воды... А потом началась самая страшная жизнь — воды нет, дров нет, хлеба нет. Стояли в очередях днем и ночью, хлеба иногда до 3-х дней не привозили. Люди, умирая, падали прямо в очереди. Мертвых родные сбрасывали с окон, потому что не в силах спустить с лестницы. Иногда стоим за хлебом, подойдем к весам и загораживаем, чтобы не схватили хлеб. Хлеб хватали, когда продавец положит на прилавок, и запикивали прямо в рот. Люди хотели есть, да и хлеб-то был — попадались в хлебе даже опилки...»⁷³

Уроженец Петербурга З.П. Брандт (1904 г.р.) вспоминал, что с началом войны сразу же объявили, что вводится карточная система на хлеб и продукты: сахар, мясо, масло и крупы: «В течение 2-х дней все бросились покупать продукты питания. В магазинах все полки опустели, остались только бобы. Отпускалась по карточкам-талонам крупа... Немецкие самолеты сбрасывали листовки: “Сегодня доедайте бобы, а завтра готовьте гробы”. Хлеб стали с нормы 400 г уменьшать каждый месяц, а иногда через 2 недели. К 1 января 1942 г. стали получать 150 г хлеба на человека, а 1 и 2 января 1942 г. в булочных не стало хлеба. ... стали бомбить бадаевские склады... сахар и песок расплавлялся, текли лужи,... после бомбежки люди собирали этот расплавленный из сахара леденец и уносили домой». Трудно сейчас представить, но из-за нехватки еды стали варить в виде студня столярный клей: «Плитка клея стоила очень дорого. Положишь плитку в кастрюлю с водой, поставишь варить. Она распустится, подбросишь туда, если есть, лавровый лист и посолишь. Когда клей распустится, разольешь по тарелкам, и эта масса

застывала, получался настоящий студень, только цвет прозрачный, как вода. Разрежешь студень на кусочки и ешь с удовольствием. Еще ели декстрин, это тоже клей в виде муки»⁷⁴.

25 декабря 1941 г. произошло первое повышение норм выдачи хлеба. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать 350 г, служащие, иждивенцы и дети — 200 г хлеба. 24 января 1942 г. произошла вторая прибавка хлебного пайка. Появилась возможность увеличить норму выдачи хлеба рабочим и инженерно-техническим работникам до 400 г, служащим — 300 г, иждивенцам и детям — 250 г. Однако ситуация оставалась еще напряженной и в январе 1942 г. от дистрофии умирало ежедневно 3,5-4 тыс.⁷⁵ 11 февраля 1942 г. была произведена третья по счету прибавка хлеба для жителей осажденного города. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 500 г, служащие — по 400, иждивенцы и дети — по 300 г хлеба. Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания⁷⁶.

По данным некоторых источников от голода и бомбардировок погибло в городе и пригороде около 1 млн чел.⁷⁷

Большим подспорьем стало разведение овощей, для этого были использованы земельные участки во дворах, садах, скверах, площадях. Всего было создано 633 подсобных хозяйства, что позволило обеспечить город овощами в течение зимы 1942–1943 гг.⁷⁸

В блокадном Ленинграде продолжали работать промышленные предприятия, рабочие продолжали вести учет сырья и полуфабрикатов, охранять цеха. Для больных были открыты лечебные стационары, где они, сдав свои продовольственные карточки, в течение 8–10 дней получали трехразовое питание. В январе 1942 г. в условиях почти полной остановки Кировского завода начальники цехов и отделов имели право давать нуждавшимся и истощенным работникам длительные и кратковременные отпуска за свой счет. В результате функционирования «Дороги жизни» началось регулярное снабжение населения продуктами питания. Рабочие получали ежедневно по 500 г, а в горячих цехах — по 700 г хлеба, а также по 2 кг крупы или макарон, 800 г жиров и 900 г сахара в месяц. Месячная норма по мясу в апреле была доведена до 1800 г. В соответствии с при-

⁷³ Там же. С. 26–27.

⁷⁴ Там же. С. 46–47, 56.

⁷⁵ Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 184.

⁷⁶ Война и общество. Кн. 2. С. 37–40.

⁷⁷ Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 692.

⁷⁸ Манаков Н.А. В кольце блокады. Л., 1961. С. 115.

нятым 21 апреля 1942 г. специальным планом мероприятий по окончательной ликвидации дистрофии при поликлиниках и амбулаториях была развернута широкая сеть диетических столовых повышенного типа. К ним прикрепляли на 2–3 недели по представлению участковых врачей. Для этих столовых был установлен следующий ежедневный рацион (в граммах): хлеба – 500, мяса – 100, сахара – 100, жиров – 60, крупы – 130, муки пшеничной – 25, сухофруктов – 10, картофельной муки – 10, сухих овощей – 50, кофе натурального – 20 и чая – 10 г.⁷⁹

Все тяготы того времени – недоедание, голод, болезни и т.д. подробно описаны в «Блокадной книге», созданной в 1979 г. в виде документальной хроники Д. Граниным в соавторстве с А. Адамовичем⁸⁰.

Во время блокады пострадали многие деятели науки и культуры, среди них был и этнограф Г.С. Виноградов (1886–1945), который участвовал в охране Института языка и мышления (ИЯМ)⁸¹, а в 1942 г. перешел на работу в Институт этнографии АН СССР⁸². Многие академические институты эвакуировались по частям в разные места. Впоследствии он писал: «Первая массовая эвакуация сотрудников академических учреждений состоялась осенью 1941 г., вторая – летом 1942 г. Именно зима 1941/42 г. была самым страшным временем: только в Кунсткамере от голода умерли 29 человек из 33 скончавшихся в блокаду»⁸³. Сам Г.С. Виноградов с трудом пережил гибель всех его работ и архива, а с октября 1941 г. уже не выходил из квартиры вследствие дистрофии и цинги. В марте 1942 г. он был в тяжелом состоянии помещен в госпиталь № 108, располагавшийся в бывшей гостинице «Астория», но когда в ней стали размещать только военных раненых, его с женой отправили в г. Углич Ярославской обл. Туда ему писал его коллега Д.С. Лихачев: «За ту ужасную зиму 42 г. в Ленинграде я начал Вам как-то симпатизировать... и сейчас хотелось бы узнать что-нибудь о Вас»⁸⁴.

В первые же месяцы блокады 3 декабря 1941 г. умер художник П.Н. Филонов (1883–1941). Его сестра Е.Н. Глебова вспоминала: «В день похорон мы – сестра и я – достали и привезли двое саней: большие и детские для Екатерины Александровны (жены Филонова. – Е.Н.), так как идти за гробом она не могла»⁸⁵. Уже после войны, в пору глухого молчания о П.Н. Филонове, поэт А. Крученых, узнав о смерти П.Н. Филонова, написал некролог: «...Павел Филонов / Был он первым творцом в Ленинграде / Но художника / С голодухи / Погиб во время блокады / Не имея в запасе ни жира, ни денег»⁸⁶.

В январе 1943 г. Ленинград получил связь с Большой землей, но полностью блокада была снята лишь в конце января 1944 г.

Московский протоиерей Борис Пономарев (принял сан после войны) был призван в армию 23 июня 1941 г. и был направлен в Ленинград. Он вспоминал, что после снятия блокады «в первый день Пасхи верующие приносили освящать маленькие кусочки хлеба вместо куличей»⁸⁷.

По «Дороге жизни» началась эвакуация детей через Ладожское озеро на Большую землю в тыл. В Вологодской обл. были размещены 20 тыс. больных и раненых. В 1942 г. по решению Вологодского облисполкома для эвакуированного населения устанавливались следующие нормы обеденного рациона: хлеба – 500 (выдавался на сутки), крупы – 65, мяса или рыбы – 75, жиров – 15, сахара – 10 граммов.

Судьба эвакуированных в разные области страны отразилась в художественной литературе. Писатель В. Белов в рассказе «Моя жизнь» писал: «Когда прорвали блокаду, то нас с Павликом вывезли из Ленинграда в Вологду. В больницу. В январе 1943 г., потом – в колхоз «Красный пахарь» – на станции в деревне. «Мы начали поправляться, хотя в деревне не было никакого хлеба. Люди питались какими-то провеванными отбросами и костерой, сушили ее в печах, толкли в ступах или мололи на ручных жерновах. У некоторых была

⁷⁹ Данилов П.П. Промышленность Ленинграда в годы блокады (сентябрь 1941 г. – декабрь 1943 г.) // Отечественная история. № 3. 2003. С. 40–48.

⁸⁰ Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1979.

⁸¹ ИЯМ был реорганизован в Институт языкознания АН СССР (Ленинград) и Институт русского языка АН СССР (Москва).

⁸² Виноградов Г.С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири. (Этнографическая библиотека). М.: Восточная литература, 2009. С. 798–800.

⁸³ Ссылка на: Вологодина В.Н. Из истории Кунсткамеры: музейные работники в годы войны и блокады // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1994. № 4. С. 171.

⁸⁴ Ссылка на: Акулич О.А. Последние годы жизни Г.С. Виноградова. По материалам архива ИОКМ // Дети и народная культура. (6-е Виноградовские чтения, Иркутск). М., 1995. С. 54.

⁸⁵ Глебова Е.Н. Воспоминания о брате / пред. Д. Гранина, послесл. М. Земской // Нева. 1986. № 10. С. 168.

⁸⁶ Крученых А.Е. Сон о Филонове // Ковчег. Литературный журнал. № 1. Париж, 1978. С. 44.

⁸⁷ Священники на фронте // Наука и религия. № 5. 1995. С. 5.

еще прошлогодняя картошка и брюква. Собирали ягоды, щавель и *гибли*. Все с нетерпением ждали свежей картошки. Корова была уже не в каждом доме. Молоко почти все надо было сдать государству. Не помню, кто посоветовал нам посеять ячмень... В местном сельпо по решению сельсовета выписали две иждивенческие карточки. Мы каждый месяц получали в магазине по шесть килограммов муки. Хотя еды все равно нам не хватало, все колхозники маме завидовали, в колхозе они не получали и этого. Карточек колхозникам не полагалось, их получали только учителя и другие служащие. Многие ходили с толстыми опухшими ногами, рвали клеверный цвет, сушили и толкли в ступах. В эту муку добавляли толченой картошки и пекли, но лепешки не получались и рассыпались на противне. Приходилось брать их щепотками и сыпать в рот. От какой-то болезни начали дохнуть кони. Их обдирали, разрубали и делили куски по жребью. Кто-нибудь из стариков или подростков отворачивался и закрывал лицо кепкой, а другой указывал на кусок мяса и спрашивал: "Этот кому?" Тот, кто обернулся, должен был назвать фамилию и выкрикивал наугад, потому что было никакой обиды⁸⁸.

Источники жизнеобеспечения жителей села

Судьба фронта и армии во многом зависела от работы тыла, где были сконцентрированы основные промышленные предприятия. В тяжелых условиях работали многие труженики отраслей народного хозяйства, но особенно нелегко приходилось рабочим и служащим предприятий оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, а также строителям, железнодорожникам и рабочим транспорта. Всех их полагалось обеспечить продовольствием, прежде всего работающих на военных заводах. В декабре 1942 г. на государственном снабжении находились почти 61,8 млн. человек, в 1945 г. — 80,6 млн., т.е. около половины всего населения страны⁸⁹.

Задача обеспечения фронта и тыла продовольствием была возложена на те сельскохозяйственные районы, которые не были оккупированы и где еще сохранялась деятельность колхозов и совхозов: «Крестьянство России всегда играло первостепенную роль во всех войнах, в которые вовлекалась страна, и больше всех страдало от них, так как основная тяжесть испытаний ложилась на его плечи»⁹⁰.

Сельских жителей насчитывалось больше, чем горожан: в 1940 г. из всего населения СССР численностью 194,1 млн. человек на долю крестьян приходилось 131,0 млн. или 67,5 %⁹¹. Им пришлось обеспечивать продуктами питания армию и тыл, а также самих себя, что практически было непосильной задачей. На селе сложилась тяжелая ситуация, которая сказалась не только на условиях их труда, но и на питании. Несмотря на трудности и лишения, сельчане работали самоотверженно, часто лишая себя самого необходимого, потому что им необходимо было отдать государству часть своей продукции в форме поставок и натуроплаты. Учитывая, что мужское население было мобилизовано, все тяготы военного времени легли на плечи женщин, стариков и подростков. Ситуация на селе была особенно тяжелой, поскольку сельские жители не принимались на государственное снабжение. Исключение составляли только учителя, медицинские работники, агрономы, зоотехники, инвалиды Отечественной войны и эвакуированные.

Снабжение фронта продуктами питания шло за счет налогового обложения сельских жителей, которое значительно увеличилось по сравнению с 1939 г. Если раньше они вырабатывали 60-80 трудодней, то по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней», каждый член сельхозартели должен был ежегодно вырабатывать не менее 100-150 трудодней в зависимости от района. Впервые это касалось и подростков 12-16 лет, которые должны были вырабатывать не менее 50 трудодней в год⁹².

Реальное положение в сельском хозяйстве приукрашивалось, на самом же деле упали все качественные показатели производства: сократились посевные площади, урожайность, уменьшилось поголовье скота⁹³.

Практически жители села выживали исключительно за счет собственного подсобного хозяйства, поскольку помощь от колхоза была минимальной. Продукты животноводства (мясо, молоко, масло) и овощеводства (картофель, овощи) давали возможность не только прокормить семью, но и выгодно их продать на рынке, что позволяло снабжать ими и горожан. В 1945 г. на снабжение рабочих и служащих предприятий поступило 38 % картофеля и

⁸⁸ Белов В. Указ. соч. С. 159.

⁸⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. С. 76.

⁹⁰ Война и общество. Кн. 2. С. 50.

⁹¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 373.

⁹² Война и общество. Кн. 2. С. 57.

⁹³ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 27, 341.

59 % овощей. Огороды давали в 10-20 раз больше продукции, чем колхоз на трудодни. Доля картофеля в общем объеме огородных овощей значительно возросла: «Настоящий картофель стал вторым хлебом в нашей стране только во время и после Великой Отечественной войны»⁹⁴. Картофель выращивали и на колхозных полях, но не менее важным было его культивирование на собственном огороде, как, впрочем, капусты, моркови, свеклы и т.д. Таким образом, личное хозяйство стало основным источником жизнеобеспечения жителей села.

В годы Великой Отечественной войны большую роль играли регулярные поставки продовольствия на фронт.

Для многих жителей Архангельской и Вологодской обл. годы войны были очень трудными, потому что, помимо государственных поставок «за план» (молоко, яйца, картофель), они отправляли ягоды, грибы, сдавали для фронта скот. В 1944 г., когда линия фронта отодвинулась от центральных регионов страны, ситуация немного улучшилась. Клюква, брусника, черника, морошка и другие ягоды, обладающие противогипотензивными свойствами, помогали бороться с такой распространенной болезнью как авитаминоз или цинга. В критической ситуации, когда собственных запасов хлеба не хватало, приходилось смешивать муку с различными добавками. В Каргопольском районе Архангельской обл. к муке добавляли мякину, отруби, солому, лебеду. В этом богатом озерами крае выживали за счет рыбы: ее ели и обменивали на хлеб. В Вологодской обл. мерзлую картошку сушили и толкли, а из полученной «муки» пекли хлеб, смешивая с остатками настоящей муки, блины, варили кашу и кисель. Из картофельных очистков делали оладьи («терники»)⁹⁵. Картофель очень выручал жителей северного региона. Жительница Вельска О.Н. Марчук вспоминала, как в годы войны она занималась выращиванием картофеля из глазков. Когда появлялись первые зеленые ростки, она высаживала их на грядку⁹⁶.

В годы войны в традиционном питании русских наметились изменения, связанные с появлением спецпоселенцев из других регионов страны, ко-

торые привносили в традиции питания местного населения свои пищевые привычки. Одна из вологжанок хорошо запомнила, что поселения украинцев появились среди деревень по правобережью Сухоны (деревни Чуриловка, Ухтанга): «Помню, в 1941 г. украинцев выселили – много выселенцев было. Украинцы научили нас клубнику и помидоры сажать. А до этого их никто не знал»⁹⁷.

Некоторые северные регионы поставляли на фронт рыбу, которая стала играть большую роль в рационе питания на фронте и в тылу. Она иногда заменяла мясо, выдаваемое по карточкам. В Заполярье на ловлю рыбы было мобилизовано все гражданское население, включая школьников. Вот что об этом пишет Б.У. Серазетдинов: «Для тружеников Заполярья была главная забота: больше дать фронту рыбы. Школьники помогали старшим на трудовом фронте. Из учащихся нашей бригады была сформирована первая на Ямале школьная рыбацкая бригада. Ребята выполняли нормы взрослых»⁹⁸.

Основной пищей сельских жителей Смоленской, Калужской и Владимирской областей оставался хлеб, щи, каши, но в их воспоминаниях часто упоминаются лебеда, крапива и щавель, которые служили добавкой к основной пище. Летом они собирали также липовый цвет и лист, черемшу, кашку, клевер, а также такие съедобные травы как «толкачики», «пупыри», «дятлина», «молочник». Зимой в пищу собирали кору с деревьев, сушеный мох и даже деревянные гнилушки, перемалывая их на «муку»⁹⁹.

Уроженка с. Аксай Сталинградской обл. М.П. Елисеева (Куянцева) (1935 г.р.) вспоминала, что «мама нашла шкуру от коровы, опалила ее на костре, а потом резала по кусочку и варила суп с добавлением сухого щавеля и крапивы. Всегда хотелось хлеба, но о нем можно было только мечтать»¹⁰⁰.

Большая нагрузка легла и на жителей сельских районов Рязанской области, которые внесли огромный вклад в поставки для армии и главных промышленных центров¹⁰¹. За годы войны они поставили государству более 65 млн пудов зерна, около 55 млн пудов картофеля, 11 млн пудов овощей, 3,5 млн пудов мяса¹⁰². Исследователи заслу-

⁹⁴ Похлебкин В.В. Кухня века. М.: Полифакт. Итоги века, 2000 // <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/453164-102-vilyam-rohlebkpin>. Дата обращения 12 сентября 2018 г. С. 213.

⁹⁵ Русские: Традиционный уклад Лекшмозерья / сост. Г.Н. Мелехова. М., 1993. Ч. 1. С. 71–72; ПМА, Вологодский и Тотемский районы Вологодской обл. 1994 г.

⁹⁶ Василевский М.А., Марчук О.Н. Указ. соч. С. 97.

⁹⁷ ПМА. Записано от Г. Ф. Протопоповой. с. Усть-Печенга Тотемский район Вологодской обл. 19 августа 1990 г.

⁹⁸ Серазетдинов Б.У. Указ. соч. С. 321–324, 331.

⁹⁹ МIRONИХИНА Л.Ф. Народная кухня в голодные годы // Традиционное русское застолье. Сб. статей. М., 2008. С. 306–308.

¹⁰⁰ Опаленные войной. С. 64–65.

¹⁰¹ История Рязанского края. 1778–2007 / под ред. П.В. Акулишина. Рязань: Изд-во ряз. обл. тип., 2007. С. 271.

¹⁰² Немеркнущий подвиг. Сборник документов и материалов. М., 1982. С. 124.

женно отмечают: «Это был грандиозный подвиг колхозного крестьянства Рязанского края, которое вынесло на своих плечах все тяготы напряженного труда в годы войны»¹⁰³.

В одном только Сапожковском районе Рязанской обл. для нужд Красной Армии в августе 1941 г. колхоз им. Н.К. Крупской сдал в фонд обороны 5 тонн молока, 300 кг мяса, а колхоз «Красный пахарь» – 5 тонн зерна, 500 кг молока, 75 кг меда. В 1942 г. жители района сдали из личных запасов 7120 пудов зерна, 2520 пудов картофеля, 180 пудов мяса, 4000 литров молока. На фронт отправлялись заготовки в виде жареного мяса, гусей, кур, сливочного масла, сыра, яиц. Была также организована сушка картофеля и овощей, которую вели заготконтора, а также райпищекомбинат, который вырабатывал пряники, сахарную помадку. Вместе со взрослыми активное участие в уборке урожая принимали школьники, они занимались сбором и вывозкой местных удобрений и т.д. Сельские жители старались собирать картофель на колхозных полях: «Выручал картофель, из которого пекли оладьи, почему-то получившие название “лейтенанты”. На картофельные поля, оставшиеся не убранными в зиму 1941/1942 гг., весной 1942 г. выходили сотни людей, добывая замерзший и полусгнивший картофель, из которого после промывки добывали крахмал. Некоторые семьи добавляли в муку и лебеду»¹⁰⁴.

М.В. Зайцеву было всего 11 лет, когда началась война, но ему, как и другим подросткам, пришлось работать в колхозе в д. Зубенки Рязанского района. Он запомнил, как председатель колхоза собрал собрание и предупредил, что все зерновые должны сдать в фонд государства: «На трудовень ни одного килограмма никто не получит. Такой приказ, говорит председатель, получен от начальства. Кто унесет хоть один килограмм – будет осужден судом. Поэтому, говорит, на меня не обижайтесь! Идет страшная война, враг прет на Москву, бомбит уже Рязань! Мы все должны отдать фронту. Вот так мы работали всю уборочную кампанию. Пока убирали все зерновые, обмолачивали, возили на станцию Вышгород (7 км) сдавать на зерновые пункты, подошел конец сентября. В первых числах октября ударили морозы, а колхозную картошку еще не начинали копать, а ее было 20 гектаров. Бросились копать, но было уже поздно. Мороз сковал землю и не отпустил. Так вся картошка осталась в поле. Свою-то каждый успел выкопать лопатой.

Ночами копали!». Весной 1942 г., когда не стало хлеба, жители села стали откапывать мороженую картошку и делали из нее лепешки: «Лепешки эти, у нас почему-то прозвали “лейтенантами”. Но как бы ни противно было есть такие лепешки, а все 20 га картошки было выкопано – вытащили из грязи. Этой мороженой картошкой население питалось с половины марта до июня». В мае стали собирать траву, съедобные листья кустарников, их сушили, мололи и вместо муки добавляли в мороженую картошку. Выжили благодаря огородам: «А с подсобного хозяйства мы еще и налоги платили: молока – 300 литров, мясо – 20 кг, яиц – 75 штук, шерсти – один фунт (400 граммов). Также в мае 1942 года правление колхоза разрешило каждой семье (кто пожелает) выделить на своем огороде несколько соток под посев проса. Рожь сеять было запрещено, чтобы не было соблазна. Весь урожай ржи сдавали в фонд государства. Вот так мы и начали сеять просо, и это нам была большая подмога взамен хлеба!»¹⁰⁵

В.С. Аксенов (1937 г.р.), чье детство в военные годы проходило в с. Покровское Ухоловского района Рязанской обл., впоследствии писал в своих воспоминаниях: «Войну помню с зимы 1942-43 гг., когда в наше село вошла конная бригада Красной Армии и остановилась у нас недели на две. В нашем доме поселились командиры. При отходе из нашего села нам оставили несколько мешков овса, с помощью которого мы выжили во время войны. Мать добавляла в молотый овес лебеду, желуди и пекла хлеб. В семье у нас было: мать, трое детей и две бабушки». Совсем юный В.С. Бочков (1939 г.р.) с началом войны жил в с. Рожково Сасовского района Рязанской обл.: «Военные и послевоенные годы были очень голодными. Муки не было, собирали травы, грибы, ягоды, любил жевать липовые почки и клеверные цветки»¹⁰⁶.

В с. Бычки (в наст. время Зеленая поляна) Путятинского района Рязанской обл. во время войны оставались одни женщины и дети. В.С. Бурякова (Чернокошкина, 1940 г.р.) вспоминала: «Был страшный голод. У моей мамы было пятеро детей. В селе остались из нашей семьи мама, я, брат Василий и сестра Мария. Ели мы *калбуки* зеленые, которые пекли из собранного, высушенного и истолченного в ступке липового цвета. Какими же вкусными они нам казались и были очень сытными. Позже председатель колхоза спилила эти липы, и еды практически совсем не стало. Также

¹⁰³ Арутюнян Ю.В. Указ. соч. С. 385, 388.

¹⁰⁴ Кузнецов И.А. Указ. соч. С. 321–323, 329–330.

¹⁰⁵ Опаленные войной. С. 73–76.

¹⁰⁶ Опаленные войной. С. 14, 19.

пекли пышки из сушеного и растолченного вобьятника. После схода снега собирала вместе с мамой мороженую мелкую картошку в кошёлку и ведерко. Приносили мы ее домой, чистили, заливали водой несколько раз, сливали воду, катали из картошки катушки, раскладывали их на большие доски деревянные. Когда картошка высыхала, мяли ее и толкли в ступке пятаком. Затем просеивали в решето и пекли пышки... Также лопатой копали свой огород – 40 соток, сажали под соху картошку. Мама вставала впереди сохи вместо лошади, а я, брат Василий и сестра Маруся вставляли по бокам сохи и направляли ее, чтобы борозды были более ровными»¹⁰⁷.

С.Е. Константинов (1937 г.р.) во время войны жил с родными в пос. Аягуз Семипалатинской обл. Их спасало то, что на огороде сажали картошку, капусту, свеклу, но они этим не ограничивались: «В огороде около дома у нас всегда росло много подсолнухов. Когда они созревали, мы срезали шляпки, выбивали из них семечки. Помню, было целое корыто семечек. Предприимчивые жители образовали импровизированные “маслобойки”, в которых преобразовывались семечки в душистое подсолнечное масло. Какое же оно было необыкновенно вкусное! Мы макали в него хлеб и с удовольствием ели. Помню, однажды мне довелось испробовать и конопляное масло. Это было что-то потрясающе вкусное!»¹⁰⁸.

Еще одним подспорьем стали зерновые, оставшиеся на полях после уборки урожая, но их сбор считался незаконным. Пойманных на месте преступления арестовывали и ссылали в лагерь. Многие сельские жители вспоминают, как преследовали за сбор колосков на уже убранных полях не только взрослых, но и детей. Во время войны все еще действовал закон об охране государственного имущества и укреплении общественной собственности, который в народе стал известен как закон «о колосках» или закон «семь – восемь», поскольку был издан 07.08. 1932 г. Посягавшие на социалистическая собственность считались «врагами народа» и ссылали в лагерь.

Р.Н. Фадееву летом мама отправляла к бабушке в г. Рыбное: «Там мы ходили собирать колосья после уборки урожая. Нас разгоняли объездчики, но мы все равно собирали и приносили домой. Ба-

бушка толкла их в ступе и пекла нам лепешки с мякиной, которые мы с удовольствием уплетали, запивая молоком, разведенным водой... Однажды двоюродный брат, постарше нас, набирал колосья, его избили так, что он три дня не мог ходить»¹⁰⁹. Та же ситуация со сбором зерновых наблюдалась и в Заонежье: «Старушек забивали насмерть палками, когда те пытались собрать колоски для голодных внуков»¹¹⁰.

Жительница Вологодской обл. вспоминала, как в 1941 г. одна женщина тайком нарвала турнепс, но кто-то сообщил об этом в колхозную контору, и ей дали 5 лет тюрьмы¹¹¹. О колосках в рассказе «Моя жизнь» писал и В. Белов, вспоминая детские годы, проведенные в вологодской деревне: «Мы очень подружились с одной семьей по фамилии Смирновы. Баба Густя (Августа) – ходила щипать клеверный цвет. Председатель колхоза ругался. А ночью ножницами отстригали в колхозном поле колоски. За 1 раз наостригали решето колосков. Баба Густя тихонько вылушила зерна, провеяла, высушила в печи и смолола на ручных жерновах. Потом она сварила из этой муки вкусную кашу. Правда, опять не вытерпела и добавила в нее клеверной черной муки»¹¹².

В 1942-1943 гг. продовольственные затруднения привели к тому, что в Читинской, Челябинской, Вологодской и Томской областях начался голод. В Красногорском сельсовете Свердловской обл. ели лепешки из мякины и кашу с добавлением травы и коры. В некоторых областях Казахстана были отмечены случаи смерти от отсутствия пищи. Тяжелая ситуация наблюдалась и в Татарской АССР¹¹³.

День Победы 9 мая 1945 г. жители села встретили с большой радостью, хотя потери были огромные: за годы войны погибло 27 млн. человек.

А.К. Гатин (1934 г.р.) окончание время войны встретил в с. Голдино Чапаевского (совр. Михайловского) района Рязанской обл.: «Помню День Победы 9 мая 1945 года. В клубе сбиты длинные столы и лавки, на них блины, закуски, разведенный спирт в ведрах, играет гармошка, патефон. Нас, пацанов, старшие ловят и сажают за стол». Б.Г. Духанин (1938-2017), который всю войну прожил с родными в Рязани, услышал об окончании войны по радио: «Выглянул в окно (мы жили уже

¹⁰⁷ Там же. С. 21–22.

¹⁰⁸ Там же. С. 93–95.

¹⁰⁹ Там же. С. 286–287.

¹¹⁰ Лукьянов В. Трагическое Заонежье. Документальная повесть. Петрозаводск, 2004. С. 25.

¹¹¹ ПМА. С. Усть-Печенга, Тотемский район Вологодской обл. Информатор Г.Ф. Протопопова. 1990 г.

¹¹² Белов В. Указ. соч. С. 160.

¹¹³ Война и общество. Кн. 2. С. 64–66.

на Революции, 22) и увидел толпу людей, идущих по улице Некрасова и поющих песни. Дальше было лучше. Мама принесла паек, и мы впервые за 4 года съели его сами. Это была Победа со слезами на глазах»¹¹⁴.

На успешное ведение войны повлияла правильная организация питания и приготовление пищи в полевых условиях, которая предусматривала систему обеспечения фронта продовольствием в виде введения нормированного питания и продовольственных пайков для разных категорий бойцов Красной Армии, Военно-морского флота, Военно-воздушных сил, НКВД, включая военнослужащих боевых частей действующей армии и тыловых организаций. Нормы продовольственного снабжения офицерского и рядового состава постоянно корректировались и менялись на всем протяжении военных действий.

Для восполнения больших энергозатрат и сил армейский рацион непременно включал хлеб, мясо, рыбу, крупы, картофель, капусту, шоколад, конфеты, сахар, соль и другие продукты, содержащие необходимое количество углеводов, жиров и белков. Эти продукты оставались самыми приоритетными в питании русского народа. Необходимым алкогольным напитком стала водка в виде «наркомовских 100 грамм», выдача которой регламентировалась соответствующими указами вплоть до окончания войны. Вино выдавалось бойцам Закавказского фронта, для которых оно оставалось наиболее традиционным напитком.

Большую роль играли полевые кухни, которые находились при каждом воинском подразделении. Благодаря мастерству и опыту поваров, привлеченных к приготовлению пищи в военных условиях, бойцы Красной Армии были постоянно обеспечены горячим питанием два-три раза в день. Труднее приходилось тем, кто участвовали в боях в течение длительного времени и не имели возможности нормально питаться. В этом случае приходил на помощь сухой паек, но иногда приходилось и голодать.

Главным продуктом питания был хлеб, с которым ели борщ, щи, кулеш, каши, картофель, вареное и тушеное мясо в сочетании с гречкой и другие блюда, издавна считавшиеся традиционными блюдами русской кухни. Удивительно, но некоторым бойцам на фронте удавалось отметить Пасху.

Определенная часть лендлизских продуктов от союзников — тушенка, комбиджир, яичный порошок, мука и т.д. доставалась не только боевым

бойцам, она достигала тружеников тыла, а также эвакуированных.

Одной из важных правительственных мер в годы войны стал переход на нормированное снабжение хлебом и продовольственными товарами. В первую очередь они предназначались рабочим и служащим, занятым в оборонной сфере, а потом уже представителям других категорий. На это был направлен в качестве основных механизмов ряд постановлений с целью правильного и нормированного снабжения хлебом и продовольствием. Значительно сократилось потребление хлеба и хлебных изделий, поэтому пришлось контролировать хлебопекарное производство и распределение хлеба по карточкам.

Карточное снабжение в 1941 г. было наиболее трудным, поскольку оно не могло сразу охватить все регионы страны и распространялось только на жителей Москвы, Ленинграда и их пригородов. За хлебом приходилось подолгу стоять в очередях. Установления правительства относительно нормирования продуктов питания учитывали традиции питания русского народа, поэтому главным продуктом оставался хлеб, норма выдачи которого была разной для взрослых, детей и тех, кто не работал. Востребованными были также различные крупы (пшено, гречка) и макаронные изделия. Немаловажно, что продовольственное обеспечение включало также мясо, рыбу, масло, сахар и другие продукты. Постепенно нормированное снабжение улучшилось и в других городах и рабочих поселках, благодаря постановлениям правительства, которые устанавливали нормы снабжения мясом, рыбой, жирами, крупой и макаронными изделиями для нескольких категорий групп населения, включая иждивенцев и детей. К 10 ноября 1941 г. карточная система охватила практически все городские поселения страны. В 1942 г. были введены единые формы карточек на нормированные товары. Возросло и многообразие карточек: от 12 — до 130-135 видов в среднем (по Москве — 149, а по Ленинграду — 171 вид карточек и талонов). Нехватку продуктов по карточкам восполняла коммерческая торговля.

Правительство прилагало все усилия, чтобы в условиях войны обеспечить продовольствием всех трудящихся тыла, однако не везде это происходило в нормальном режиме, особенно не хватало хлеба. Такие трудности испытывали жители Заполярья, южных областей России и др.

В условиях нехватки сельской продукции правильным было решение позволить рабочим и слу-

¹¹⁴ Ополненные войной. С. 23–25, 61.

жащим с 1942 г. заниматься индивидуальным и коллективным огородничеством. Разведение овощей в подсобном хозяйстве стало большим подспорьем для многих горожан.

Вместе с тем, несмотря на постановления, во многих областях люди испытывали настоящий голод. Это касалось Москвы, Ленинграда и других больших городов. Белый хлеб, полученный по карточкам, а также сахар и масло продавали или обменивали на ржаной. При отсутствии хлеба приходилось есть мерзлые овощи. Из картофельных очистков делали крахмал, добавляли муки и пекли лепешки, нередко на олифе. При отсутствии настоящего кофе в столовых военной поры делали суррогат из натертой и подсушенной свеклы, настоящим деликатесом считалось повидло из моркови или мармелад из ржаной муки.

Пищевой рацион эвакуированных был очень ограниченным, поскольку они были надолго оторваны от дома и больше зависели от государственной поддержки. Судя по воспоминаниям москвичей, которые были тогда детьми, вся тяжесть забот о хлебе насущном доставалась их родным, но в некоторых случаях старшие дети брали на себя обеспечение младших. Повсюду старались сажать картофель, он очень выручал, но при отсутствии еды ели и картофельные очистки.

Подростки, вынужденные помногу часов трудиться на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, несмотря на карточное обеспечение, с трудом выдерживали физическую нагрузку. Еще труднее было школьникам, которые помогали на трудовом фронте. При отсутствии жизненно важных витаминов, они были более подвержены заболеваниям. Ослабленные детские организмы поддерживались за счет питательных пунктов, призванных лишь отчасти улучшить жизнь эвакуированных людей, поскольку их меню было очень скудным. Сохранить молодое поколение помогали пионерские лагеря, организованные для школьников в летние месяцы. И если вначале они ели блюда из сушеного картофеля, то потом появилась более калорийная пища в виде каш и макарон, тушеной говядины, овощей, черной смородины и американского шоколада.

Трагической страницей в отечественной истории стала блокада Ленинграда, которая продолжалась с 30 августа 1941 г. по январь 1944 г. Несмотря на то, что в городе были введены продовольственные карточки на получение хлеба, крупы, сахара, масла, мяса, рыбы и организована коммерческая торговля нормированными товарами, после того как город оказался отрезанным от центра, выдачу продуктов стали сокращать, а коммерческая торговля нормированными товара-

ми без карточек была ликвидирована. Поскольку запасы хлеба и продовольствия в Ленинграде были небольшие, выдачу хлеба сокращали пять раз и с 20 ноября 1941 г. все жители города стали получать по 125 г хлеба, за исключением рабочих – они получали 250 г хлеба. Отсутствие хлеба и других продуктов питания, воды, света, угля и дров привело к массовой гибели людей. Нелегко пришлось и деятелям науки, культуры и искусства, некоторые умерли от голода.

Тяжесть создавшейся ситуации ощутили на себе дети, которые на всю жизнь запомнил голодные годы. Читая их опубликованные воспоминания, трудно представить, как можно было есть кожаные ремни, столярный клей, декстрин. В 1941–1943 гг. ситуация не намного улучшилась, даже когда произошло повышение норм выдачи хлеба, и оставалась напряженной вплоть до снятия блокады. Жители Ленинграда проявили массовый героизм, их мужество и стойкость не должны быть забыты.

Большую роль сыграло установление связи с Большой землей по «Дороге жизни», благодаря которой через Ладожское озеро были вывезены больные и раненые, эвакуированы дети, где для них был создан поддерживающий режим питания. Немало детей были отправлены в Вологодскую обл., хотя там не хватало хлеба даже по карточкам и приходилось собирать ягоды, щавель и другие дикорастущие растения.

В годы войны огромная нагрузка по обеспечению армии и тыла легла на сельских жителей, хотя сами они не находились на государственном обеспечении, за исключением сельской интеллигенции, инвалидов войны и эвакуированных. Мужчины призывного возраста были мобилизованы на войну, и практически все трудности легли на плечи женщин, стариков и подростков. Одновременно с работой в колхозе, где им приходилось заниматься подготовкой земли для сева, сенокосом, сбором урожая и другими сельскохозяйственными работами, они вели домашнее и подсобное хозяйство, чтобы вовремя сдать налоги. Личное хозяйство стало основным источником жизнеобеспечения жителей села. Продукты животноводства (мясо, молоко, масло) и овощеводства давали возможность не только прокормить семью, но и выгодно их продать на рынке, что позволяло снабжать ими и горожан. Резко возросла роль картофеля в общей доле овощей.

Вместе с тем, налоговое обложение сельских жителей значительно увеличилось, что привело к ухудшению их материального состояния. Практически все зерновые культуры – рожь, овес, горох, просо, а также молоко, мясо, яйца

отдавались в фонд государства. Согласно действующим постановлениям, жители села, включая подростков, должны были ежегодно вырабатывать больше трудодней.

Регулярные поставки продовольствия на фронт ложились тяжелым грузом на плечи сельчан, хлеб пекли с добавлением суррогатов. Нередко их пищевой рацион сводился до минимума, тогда на помощь приходили дары природы — ягоды, грибы, дикорастущие растения. На Русском Севере в одних случаях в муку добавляли мякину, отруби, солому, лебеду, в других случаях мерзлую картошку сушили и толкли, а из полученной «муки» пекли хлеб и блины, варили кашу и кисель, из картофельных очистков делали оладьи. Ловля рыбы давала возможность не только поставлять ее на фронт, но и выгодно менять на хлеб и другие продукты. В годы войны в традиционном питании русских наметились изменения, связанные с появлением спецпоселенцев из других регионов страны. Так, например, украинцы, выселенные в ряд деревень Вологодской обл. научили местных жителей сажать клубнику и помидоры.

В Рязанской обл., где было много колхозов и совхозов, сначала выживали за счет запасов, сделанных в предыдущие годы: зерновых, муки, гороха, пшена, а с наступлением весны стали собирать в поле траву, сушить съедобные листья деревьев и кустарников и добавлять в пищу. Из мороженого картофеля получали крахмал, смешивали с мукой и лебедой и пекли оладьи, традиционные пышки. Некоторые жители села хлеб пекли из овса, смешанного с лебедой и желудями. Подспорьем были также «колоски» — зерновые, остававшиеся на

колхозных полях после уборки урожая. Женщины и дети собирали их с риском для жизни, поскольку сбор считался незаконным. Заключение в тюрьму оборачивался сбор даже турнепса. Те же, кому удавалось избежать наказания, наслаждались сделанными из обработанного зерна лепешками пополам с мякиной или кашей.

В других областях сельские жители также собирали липовый цвет и лист, черемшу, кашку, клевер и другие съедобные травы. Зимой в пищу употребляли в виде добавок кору с деревьев, сушеный мох. Но в некоторых случаях продовольственные затруднения приводили к голоду.

Несмотря на трудности и лишения военного времени, жители села смогли регулярно обеспечивать армию и тыл, благодаря самоотверженной работе в колхозах и ведению личного подсобного хозяйства. Выжить им помогало также использование традиционного опыта сбора ягод, хвойных, трав и дикорастущих растений, спасавших от авитаминоза и цинги.

Примеры массового героизма проявили женщины и дети, работавшие на промышленных предприятиях, а также на колхозных полях. Их участие в снабжении продовольствием фронта и тыла было большим подспорьем в годы войны.

В целом, благодаря правильной стратегии правительства, была организована планомерная работа по обеспечению фронта и тыла самым необходимым и прежде всего продовольствием. Вместе с тем, война стала жестоким испытанием для жителей России, поскольку страна столкнулась с острой нехваткой продовольствия, как для тех, кто воевал, и для тех, кто оставался в тылу.

